

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННЫЙ РОМАН

Вольфганг Отт

СТАЛЬНАЯ АКУЛА

**НЕМЕЦКАЯ СУБМАРИНА
И ЕЕ КОМАНДА В ГОДЫ ВОЙНЫ**

1939–1945

Вольфганг Отт

**Стальная акула. Немецкая
субмарина и ее команда
в годы войны. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Отт В.

Стальная акула. Немецкая субмарина и ее команда в годы войны.
1939-1945 / В. Отт — «Центрполиграф»,

Этот мировой бестселлер посвящен самому антигуманному оружию в военно-морской истории – немецкой субмарине. Автор точно воссоздает технические тонкости стратегии и тактики ведения морского боя, достоверно передает сложную психологическую атмосферу тяжелых будней подводников. В захватывающем повествовании отражена вся правда о войне, вся грязь и мерзость ужасающей бойни...

© Отт В.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	44
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вольфганг Отт

Стальная акула. Немецкая субмарина и ее команда в годы войны. 1939–1945

Глава 1

Они жили в матросском кубрике. Их койки располагались по левому борту; койка Штолленберга вверху, а койка Тайхмана – внизу. Штолленберг сидел на ее краю и натягивал носки; ноги его были чистыми, а носки заштопанными, но Тайхман велел ему убрать свои потные ноги.

Поставив ногу на край койки Тайхмана, Штолленберг слез вниз и уселся на лавке напротив.

Тайхман смотрел, как он вытряхнул из сапог тараканов, проверил рукой, не осталось ли их внутри, натянул сапоги на ноги, подошел к хлебному шкафчику, отрезал кусок засохшего батона, выковырял ножом тараканов из банки с джемом, намазал толстый слой красного джема на хлеб и вонзил в него зубы.

Тайхман повернулся к стене.

– Пошли чистить картошку, уже скоро восемь, – с набитым ртом произнес Штолленберг.

Тайхман лежал не двигаясь.

– Понимаю, не хочется, – кивнул Штолленберг. – Но все равно, давай шевелись.

Тайхман продолжал лежать. Его раздражала настырность Штолленберга. «Всего шесть месяцев назад он сидел со мной за одной партой в школе, а когда его вызывали к доске и он «плыл», – подумал Штолленберг, – я подсказывал ему, он тоже мне помогал, когда я «плыл», но я делал это чаще, а главное, лучше. Он и тогда не блистал умом, а сейчас ведет себя так, как будто он здесь хозяин и...»

– Вставай, моряк, пора отлить, – сказал Хейне, ткнув Тайхмана пальцем в спину.

Матросы стояли с подветренной стороны верхней палубы и чистили картошку. Питт плюнул в воздух, и ветер отнес его плевок за борт. На второй день своего пребывания на судне Тайхман, страдавший морской болезнью, попробовал вот так же плюнуть, но ветер дул ему в лицо, и плевок отпечатался прямо на иллюминаторе штурманской рубки, где старпом прокладывал курс. Тайхман хотел, чтобы плевок Питта попал туда же, но ветер не доставил ему такого удовольствия. Он вспомнил, как его били, и Питт усердствовал больше всех, а он был слишком болен, чтобы отбиваться. Штолленберга и Хейне они поставили на стрему, чтобы те не смогли помочь ему.

Тайхман никак не ожидал, что его избьют. Он был хорошо сложен, правда, только выше пояса. У него была большая широкая грудь и длинные мускулистые руки с кулаками, умеющими бить быстро и точно, но бедра и ноги у него были сухими и тощими, а суставы выглядели хлипковато. В нем было почти шесть футов росту, и при ходьбе он слегка наклонялся вперед, как будто ему трудно было держать прямо свое массивное тело. Длиннорукий, он чем-то походил на орангутана, правда, с симпатичным лицом.

Питт посоветовал Тайхману встать против ветра, тогда ветер будет дуть ему в рот и не позволит пище выйти наружу. Но это не помогало, и ветер свистел в его ушах. В этот вечер ему пришлось стирать не только свои провонявшие брюки, но и брюки других моряков, даже тех, кого не было на палубе, когда его выворачивало. Он стал было возмущаться, но его снова избивали. Он очень страдал от морской болезни. Это была настоящая морская болезнь, совсем не та, какую воображают себе сухопутные неженки, идущие на катере из Куксхафена на Гель-

голанд и блюющие, перевесившись через поручни. Сначала он тоже блевал, но потом его желудок опустел и ничего, кроме желчи, из него не шло. Так продолжалось с неделю; он лежал на койке, сложившись пополам, словно ребенок в утробе матери, и мечтал о том, чтобы умереть.

Чан с картошкой был полон. Тайхман потащил его на камбуз. В дверях капитанской каюты стояла Дора в рубашке и длинных мужских брюках.

– Заходи, малыш, посмотри, как плачет старушка.

Тайхман оставил чан на камбузе и на обратном пути снова прошел мимо капитанской каюты. На этот раз на Доре был зеленый пуловер. Ее глаза покраснели, а из каюты разило духами и алкоголем.

– Ты что, боишься меня, малыш?

– Вовсе нет, к тому же я не такой уж малыш, почти шесть футов росту.

– Шесть футов и шестнадцать лет.

– Скоро будет семнадцать.

– А что ты делаешь, когда бываешь в Бремерхафене?

– Так, присматриваюсь.

– У тебя есть подружка?

– Нет.

– Тогда к кому же ты ходишь?

– Ну, в дамочках недостатка не бывает.

– Но для первого раза лучше найти кого-нибудь другого.

– Что значит «для первого раза»?

– А, так для тебя это не впервой. Ну, тогда ты и со мной можешь. Разве я хуже других дамочек?

– Ничем не хуже.

– Разумеется, не хуже, – кивнула Дора и добавила: – И зачем только ты это сказал. Мне неприятно.

– Но ведь это правда.

– Все равно, не стоило говорить.

– Но ведь на судне все знают...

– Что они знают? Что пять лет я была не у дел и жила как монахиня, потому что мой муженек наградил меня заразой? Знают они это?

– Я не знал.

– Ну и плевать на это. Так что, может, все-таки зайдешь? Что ж, не хочешь, не надо. Никто тебе не навязывается. Отваливай.

Вот тебе и Дора, подумал Тайхман. Она впервые заговорила с ним, до этого его не замечала. Ему было известно только то, что старик представил ее как свою жену.

Когда сеть подняли, она оказалась полной. Палубу покрыл слой селедки в метр толщиной. Матросы лопатами бросали рыбу в корзины и потрошили ее.

– Доре нужно только одно – хорошая, крепкая выпивка, – сказал днем старший помощник, когда Тайхман стоял на вахте у штурвала. – Это самое лучшее средство от ее сексуальной озабоченности. Ты себе даже представить не можешь, как тащились от меня когда-то шлюхи. Но я им никогда не платил. Удовольствие получали оба, говорил я. И они понимали, что я прав. Да, сынок, так и надо делать. – Старпом воткнул мизинец себе в ухо и затряс рукой, словно вибратором. Затем вытащил из куртки бутылку и приложился к ней.

– Выпьешь?

– Я на вахте.

– Все правильно. Может, и к лучшему, что не пьешь. Курс будет точнее. А я вот без этого не могу. Как тебя зовут?

– Тайхман.

– Я имею в виду имя.

– Ганс.

– Ну-ка, Ганс, держи. Выпивка – лучшее лекарство от тоски. Когда-то и я мечтал о девушке. Она была высший класс – из хорошей семьи и все такое прочее. Но я ей был не нужен, вот и начал пить. С тех пор сплю со всеми шлюхами подряд, мне все равно. Сунул, вынул и получил свое. Простой механический процесс, такой же, какой описан в учебнике по двигателям. Никакой любовной чепухи, никаких обязанностей, ничего – сунул, вынул и так далее. Так как, говоришь, тебя зовут?

– Ганс.

– Держи, Ганс. Если не можешь с этим справиться, начни пить. Перископ по левому борту!

У него глюки, подумал Тайхман, и продолжал держать прежний курс. Старик вырвал у него из рук штурвал и резко заложил право на борт.

– Передай-ка по переговорной трубе командующему. Вижу перископ, пеленг три три ноль. Удаление два ноль ноль.

Не желая лишать себя удовольствия, Тайхман передал сообщение. Через несколько секунд он услышал в переговорной трубе голос старика:

– Во-первых, я не командующий, а всего лишь капитан этой убогой рыболовецкой посудины, во-вторых, скажи помощнику, чтобы шел в каюту и проспался, понял?

– Так точно, капитан.

– Что он сказал?

– Говорит, что вряд ли.

– Да я съем десяток швабр, если это не перископ субмарины. Я эти штуки знаю со времен мировой войны. Три года прослужил на торпедном катере. А это тебе не кошке хвост завязать!

Тайхман встал к штурвалу и вернулся на прежний курс. Помощник закурил сигару.

– Старик думает, что я пьян?

– Нет.

– Если бы ты сказал – да, от тебя бы мокрого места не осталось.

– Думаете?

– Поберегись, сынок, когда я пьян, никто не знает, что могу отчебучить.

Сменившись, Тайхман зашел в штурманскую рубку и занес в вахтенный журнал свой курс. Старик вошел в рубку вместе с проспавшимся помощником, взял у радиста радиограмму и сказал помощнику:

– Мы идем на полном ходу к побережью Норвегии, а затем пойдем домой в пределах трехмильной зоны.

– Если вы полагаете...

– Да, я полагаю. Ультиматум англичан означает войну. Вам что, неясно? Они там в Берлине ни в грош не ставят этот ультиматум...

– А в Лондоне эту трехмильную зону.

– Что это? Боже, что это было?

– Мой желудок, капитан.

– Прошу прощения. Это что, ультиматум на вас так повлиял?

– Это мой желудок, капитан.

– Ну, не скромничайте.

– Никогда этим не страдал.

Старик рассчитал новый курс и нанес его на карту. Уходя, он сказал:

– Господин помощник, ваши манеры поистине ужасны.

– У меня больной желудок, поэтому меня и пучит.

– Вы и ваш желудок – просто дерьмо, вот что я вам скажу.

– Меня не волнует ваша манера выражаться. Кстати, во время моей вахты я засек перископ подлодки, но на вашей стороне переговорной трубы сидела какая-то пьяная задница, которая, я полагаю, забыла передать вам мое сообщение.

Вошел радист со второй радиограммой. Старик зачитал ее.

– Мы должны следовать в Гамбург и доложить о своем прибытии командиру военно-морской станции Северного моря, после чего экипажу ждать распоряжений. Помощник, доведите это до сведения матросов.

– А Дора член команды?

– Я сам сообщу своей жене.

– Которой? Той, что в Бремене, или той, что на борту?

– Обеим. В конце концов, я не спрашивал в бюро регистрации браков, можно ли мне взять на борт жену или нет.

– Но вы могли бы спросить разрешения у хозяина. До сих пор он не позволял брать на судно женщин.

– Поэтому я его и не спрашиваю. Есть возражения?

– У меня нет.

Тайхман сходил на склад и наполнил краской ведерко. Затем он привязал веревку к боцманскому стулу-беседке, и Штолленберг спустил его у носа корабля на уровень названия. Он закрепил веревку на поручне и спустил ведерко с краской и кисть, и Тайхман начал закрасивать букву «А» в названии корабля «Альбатрос».

– Интересно, какой прок Герду от его старика? Он уж давно вышел в тираж. Не верю я и этому помощнику секретаря в министерстве образования.

– Опустит пониже ведерко, вот так. Через минуту подашь стул немного вперед.

– Посмотрим.

– Ну, не беспокойся. Чтобы переделать «Альбатрос» в тральщик, нужно время. А сейчас у них даже не нашлось для нас места в доках. А ты слышал, что нам хотят поставить орудие и два пулемета, чтобы было чем пошуметь?..

– Это на тот случай, если английский флот захочет потратить боеприпасы на старое селедочное корыто...

– У них и без этого есть о чем беспокоиться. У нас все-таки имеется пара больших посудин; ты видел их в Гельголандской бухте? Неплохо выглядят, а?

– И мы были бы ничего, если б нас назначили на крейсер или куда-нибудь еще.

– Лично мне хватило бы и эсминца.

– Ты можешь продвинуть меня немного вперед? Только смотри не урони в воду.

Штолленберг поднял ведерко на палубу, отвязал один конец и закрепил его впереди другого, развернув при этом беседку.

– Ты меня задом повесил, – сказал Тайхман.

– Потерпи немного.

Штолленберг снова перевернул беседку и передвинул ее метра на полтора вперед. Он только собрался опустить ведерко с краской, как появился Хейне и позвал всех с собой.

Они спустились в кубрик, который в это время дня пустовал.

– Напяливайте ваши береговые лохмотья, берите документы и все остальное, – сказал Хейне, – мы обедаем сейчас с моим стариком, после этого напишем заявления в военно-морское училище. Это наш единственный шанс обратиться с этой старой крысиной баржи.

– Но у нас нет документов об окончании школы.

– Мой друг, помощник министра, сделает все, что надо; я уже договорился с ним по телефону. Он давний кореш моего папаша, и у него есть сынок, который с помощью моего

отца хочет получить диплом, хотя, как вы понимаете, умом не блещет. Так что все схвачено. Надо только нажать в нужном месте.

– Сомневаюсь, что это сработает, – заметил Штолленберг.

– Я сделаю все, чтобы расстаться с этим проклятым селедочным корытом.

Отец Хейне жил в своем доме на Бланкенезе. Табличка на садовых воротах гласила: «Профессор Фридрих Хейне».

– У тебя грязь под ногтями, – сказал Штолленберг.

– Ты прав, черт побери, но мне даже ножом не удалось выковырять из-под них деготь, – вздохнул Тайхман и спрятал руки в карманы брюк.

– А я свои ногти отмыл бензином, – поделился опытом Штолленберг. – И неплохо бы тебе надеть свежую рубашку. На этой не хватает пуговицы.

– Оставь его в покое, – вмешался Хейне. – Все это ерунда.

– Надень мой галстук, и он закроет место, где не хватает пуговицы.

Тайхман надел галстук Штолленберга.

– А ты?

– Я надену спортивную рубашку.

– Тебе очень идет.

Они прошли через сад. Дверь открыла девушка.

– Это Молли, – сказал Хейне. – Ее настоящее имя – Мария Хольцнер. Но я зову ее Молли, потому что она такая миленькая и мягонькая. Поцелуй ее, она сделана из...

– Ну что вы, господин Хейне...

– Да не выпендривайся ты!

Молли рассмеялась:

– Мама мне всегда говорила, чтобы я надевала жестяные трусики, когда поблизости появляются моряки.

– А у нас есть открывашка, – сказал Штолленберг и покраснел, когда Молли взглянула на него.

Хейне прошел в кабинет отца, а они остались ждать в небольшой гостиной. Тайхман рухнул в кресло и уставился на портреты Гинденбурга, Лютера и Тирпица. Лютер висел между двумя вояками. Затем он передвинул кресло к аквариуму в углу комнаты и заговорил с рыбами. Он сунул палец в воду и смеялся, когда рыбки на него наталкивались.

– Чего это ты тут плещешься? – спросил Штолленберг.

– Меня это забавляет, да и рыбкам нравится. Они тут дохнут со скуки. А сейчас, друзья мои, мы устроим вам маленький шторм, и вы узнаете, что идет война.

– Эдак ты всех рыб на пол выплеснешь.

Отец Хейне был сама вежливость. Тайхман почувствовал, какие тонкие у него пальцы, когда пожимал ему руку. Он заметил, что профессор на полголовы ниже сына. У него были коротко стриженные, с проседью светлые волосы, небольшой нос со слегка вздернутым кончиком и светло-голубые слезящиеся глаза. Он производил впечатление скромного, можно даже сказать, робкого человека. Тайхман взглянул на Герда Хейне с его длинными черными волосами и крупным орлиным носом и удивился, как у этого невзрачного мужчины мог родиться такой сын.

– Рад познакомиться с друзьями Рейнгольда. Вы как раз успели к ужину.

Тайхману пришлось прикусить губу; он не знал, что у Герда было второе имя, и ему подумалось, что профессор мог бы выбрать для своего единственного сына не такое смешное имя. Штолленберг оживленно болтал с профессором, словно они были закадычными карточ-

ными партнерами, и, говоря о Герде, называл его Рейнгольдом. Век живи, век учись, подумал Тайхман.

Перед ужином прочитали молитву; Тайхман прикрыл руки салфеткой. За столом сидели еще трое – пастор по имени Дибольт с женой и сестра профессора, которую звали Луиза и которая, судя по всему, была старой девой. Тайхман подумал, что губы пастора слишком толсты для его профессии; впрочем, у него было мягкое, простое и добродушное лицо и солидный животик. Его жена оживленно беседовала с молодыми людьми и странно поглядывала на свою тарелку; платье на ней было довольно модным. Напитков за едой не подавали, а после ужина еще раз помолились. Затем профессор произнес:

– Могу я пригласить молодых людей немного посидеть с нами?

– Извини, отец, не получится. Нам надо подготовить бумаги.

Сестра профессора вышла из-за стола первой.

Сквозь полуоткрытую дверь Тайхман увидел, что в гостиной уже сидели человек двадцать. Люди были приблизительно одного возраста и разговаривали приглушенными голосами.

– У них библейские чтения, – пояснил Хейне, поднимаясь по лестнице. – Вот так возраст повлиял на моего отца. Он ведь был совсем другим. Через минуту они заиграют на фисгармонии и запоют. Потом один из них прочтет проповедь, а в конце снова заиграет орган.

– Чего только по этому ящику не наслушаешься, – сказал Штолленберг, вращая ручку настройки большого радиофонографа, который стоял рядом с диваном Хейне.

– Да, я люблю послушать хорошую музыку. А ты, полагаю, интересуешься новостями спорта.

– Ну, не такой уж я примитивный человек, – сказал Штолленберг.

Хейне поставил пластинку – сцену смерти царя из оперы «Борис Годунов» в исполнении Шаляпина. Мусоргский был его любимым композитором – таким восхитительно простонародным.

– Чья это картина? – спросил Тайхман.

– Это Рембрандт, «Мужчина в золотом шлеме». Оригинал находится в Музее кайзера Фридриха в Берлине. Но это хорошая копия.

– Я в этом не очень разбираюсь. А это кто?

– Шопенгауэр.

– Твои кактусы совсем запаршивели. Их надо полить.

– Что-что?

– Кактусы у тебя запаршивели, не видишь, что ли?

– А... Вполне возможно. Я в этом ничего не понимаю, – произнес Хейне.

Они написали заявления. В качестве рекомендующих лиц Тайхман и Штолленберг назвали отца Хейне, министра и адмирала Редера.

– Его-то они точно не спросят, – заявил Хейне.

– Но они потребуют документы об образовании.

– А ты напиши: «Высланы».

– Но они же их никогда не получат.

– Знаю. Но ты все равно можешь это спокойно написать. В войну у них хватает других забот. А этому министру надо подсуетиться, если он хочет, чтобы его сынок стал доктором.

– Здесь говорится, что для подачи заявления тебе должно быть семнадцать лет, – сказал Тайхман, – а мне еще только шестнадцать.

– Об этом позаботится министр, – заявил Хейне. – Ты выглядишь на все двадцать.

– А мы получим первоклассную рекомендацию от нашего селедочного капитана; прямо сейчас ее и напишем, – заявил Штолленберг.

Внизу кто-то заиграл на фисгармонии, затем послышалось пение: «А теперь отдохните, все леса, поля и города, весь мир погружается в сон...» Хейне спустился в кладовую и вернулся с тремя бутылками божоле. Они начали пить и, когда завывли сирены воздушной тревоги, ничего не услышали. Люди внизу тоже продолжали петь, как ни в чем не бывало.

– Ария царя слишком длинная, – сказал Тайхман. – Я помню ее еще с детства.

– У тебя, должно быть, очень хорошая память.

– Давайте его выключим. Я поставлю другую пластинку.

– Поставь что-нибудь приличное.

– Нет, лучше неприличное.

Хейне поставил маленькую пластинку и прибавил звук. Голос девушки пел: «Что ты делаешь со своей коленкой, дорогой Ганс...»

– Схожу-ка я за Молли, – сказал Хейне.

Девушка выпила с ними за компанию. Она была в строгом черном платье и белом фартуке. Когда пение внизу возобновилось, Хейне поставил пластинку с танцевальной музыкой, и Молли пошла танцевать. Движения ее были неуклюжими и неуверенными; вскоре она растянулась на полу, но даже не ушиблась в своих многочисленных одежках. Когда она поднялась и потянулась за новой рюмкой, Хейне произнес:

– Тебе уже хватит, лучше потанцуй еще, это тебя отрезвит.

Тогда она задрала юбку и стала изображать балерину, но все время падала. Штолленберг не мог оторвать от нее глаз. Хейне курил сигареты и равнодушно наблюдал, как Молли встает, падает, снова встает и снова падает. Когда она шлепнулась особенно тяжело, он заметил:

– Не шлепайся так громко, там внизу, как-никак, церковь.

Прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги.

Тайхман открыл окно. На улице уже стемнело. Воздух был влажным и душным; дело, похоже, шло к дождю. Верующие прощались у входа. Когда они разошлись, профессор взял лейку и стал поливать газон.

– Мне раздеться? – спросила Молли.

– Можешь не торопиться, – ответил Хейне.

При расставании профессор Хейне вручил Штолленбергу галстук.

– Прошу вас, поймите меня правильно – этот галстук подойдет вам больше.

Штолленберг тут же надел его.

У ворот сада Хейне заявил:

– Завтра утром я отошлю наши заявки в Киль; рекомендации старика пошлем позже. Я буду на борту к десяти. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи всем, – сказал Тайхман.

Когда они остались наедине, Штолленберг предложил пойти к девочкам.

– Это что, выкрутасы Молли на тебя так подействовали?

– Молли меня не волнует. Я просто не пойму, почему мы должны в тоске глядеть на луну, пока Герд будет шикарно проводить время?

– Значит, все-таки Молли.

Они отправились в квартал красных фонарей.

Сначала они с трудом ориентировались. Вокруг было темно, уличные фонари притушены. Первый же дом, куда они зашли, был так переполнен, что им пришлось бы долго ждать своей очереди, и они решили уйти отсюда.

– Мальчики, приходите через час, места будут, – крикнула им вслед мадам.

– Слишком долго ждать, – ответил Штолленберг, ухитрившись не покраснеть.

– Ты, похоже, здорово озабочен.

Тайхман удивился, как сильно подействовали на Штолленберга несколько бокалов красного вина. У следующего дома стояла группа моряков торгового флота – им удалось прорвать

блокаду, объяснили моряки. Они только что прибыли из Южной Америки и намеревались поправить здоровье.

– Хорош хвастаться, – сказал Тайхман.

– А кто хвастается? Мы дважды уходили от английских эсминцев – дважды.

– Должно быть, это были очень тихоходные эсминцы, – заметил Тайхман.

– Скажешь тоже. Приходилось давать полный ход. Один из эсминцев открыл по нас огонь, но не попал.

– Ваше корыто, должно быть, слишком маленькое, чтобы в него можно было попасть, – усмехнулся Тайхман.

– Заткни свою глотку. Судно большое, но тоннаж засекречен.

– Небось какая-нибудь шлюпка, – гнул свое Тайхман. – Такая малюсенькая, что англичане ее даже не заметили, а стреляли просто так, чтобы проверить свои пушки.

– Ты называешь танкер в 12 000 тонн шлюпкой?

– Ого. А ты говорил, что тоннаж засекречен.

Не дожидаясь начала драки, Тайхман и Штолленберг двинулись дальше.

– Если ты будешь нарываться на драку с каждым встречным, – заметил Штолленберг, – то мы никогда не закончим свое дело.

В следующем доме они уселись за маленький столик. Девушки работали наверху, и, когда одна из них спускалась, ее тут же перехватывал кто-нибудь из посетителей. Штолленберг заказал два стаканчика шнапса. Когда их подали, оказалось, что это двойные порции.

– Дороговато будет, – заметил Тайхман.

– Я плачу.

– Только за выпивку?

– Нет, за все.

Немолодая женщина без двух передних зубов переходила от столика к столику, убеждая господ немного потерпеть – с минуты на минуту должны появиться две очень интересные девушки.

Чтобы посетители не скучали, в зале появилась обнаженная танцовщица. Но она была недоступна. Женщина без передних зубов с извинениями пояснила, что контракт с этой девушкой предусматривает только танцы, что она состоит в законном браке и довольно обеспечена.

Штолленберг заказал еще шнапса.

И снова им подали двойные порции.

– Я не заказывал двойные.

– А у нас здесь только такие, – ответил официант.

– Я не против, – сказал Тайхман.

Штолленберг опрокинул рюмку.

– Я думаю, с выпивкой дело пойдет легче, – ухмыльнулся Тайхман.

Мимо их столика прошла миленькая девушка и улыбнулась им, но ее заграбастал посетитель средних лет, который пришел раньше.

– А они ничего, – заметил Штолленберг.

– Эта девушка улыбнулась не тебе, а мне. – Тайхман проглотил свой шнапс. – У тебя, должно быть, плохо с глазами.

– А вот и профессионалки...

Прибыло подкрепление. У одной из девушек было расплывшееся тело, похожее на губку, огромные ляжки и торчащие колени. Ее напарница – сплошная кожа да кости.

– Я беру блондина, – сказала толстуха и уселась на колени к Штолленбергу.

Настоящая бочка, подумал Тайхман и не смог удержаться от смеха, увидев выражение лица Штолленберга. Тот неподвижно сидел на своем стуле.

– Я думаю, у тебя давно уже никого не было, – сказал Тайхман.

– Разве так приветствуют даму? – спросила губка.

– Это возмутительно, просто возмутительно, – завопил один из посетителей. – Я пришел раньше этих молокососов.

– Евгений, не ори так громко, – одернула его губка. – А то у тебя будут проблемы с Луняшкой.

Из-за бара появился гигант с огромным пузом, лысой головой и крохотными ушками, торчащими как ручки у кастрюли.

– Эй, Луняшка, ты там полегче, он уже поддатый, – произнесла губка.

– Господин, – принялся увещевать беспокойного клиента Луняшка. – Это уважаемое заведение, и на нас никогда не жаловались, поэтому попрошу вас вести себя прилично.

– Заткнись! – взревел Евгений. – Ты, жопа с ушами!

– Я, пожалуй, проигнорирую это замечание, – сказал Луняшка.

– Евгений, спокойно, – вмешалась губка, а Луняшке добавила: – Он потом перед тобой извинится.

Луняшка скрылся за стойкой.

Евгений еще раз назвал это возмутительным.

– Успокойся, Евгений. Мы с этими мальчиками мигом закончим, и тогда настанет твоя очередь, – пообещала худышка.

Они запросили десять марок.

– Да вы спятили, – заявил Тайхман.

– Сегодня большой наплыв посетителей, поэтому цены соответствующие.

– Да у нас и денег-то таких нет, – поддержал приятеля Штолленберг.

– Ну ладно, так уж и быть, девять.

– Пятерка, и ни пфеннигом больше, – отрезал Тайхман.

– Мы так дешево не обслуживаем.

– Пять марок – это куча денег.

– Ладно, пойдет. Вы хорошие мальчики. Да и для начала неплохо. Как ты считаешь, Мариан?

– Сюда входит и стоимость выпивки, – произнес Тайхман.

– Бог ты мой! Может, ты хочешь, чтобы мы заплатили еще и за то, чтобы вы пошли с нами наверх? – завопила худышка.

– Девчонки, не шумите. Это же новобранцы, у них денег-то почти нет, – сказал пожилой моряк с торгового флота.

– Мы с флотилии тральщиков, – уточнил Тайхман.

– Это хорошо, ребята. Сейчас война, так что не важничайте, берите то, что можете взять. Я заплачу за вашу выпивку. Так что все в порядке.

– Спасибо, дружище, – сказал Тайхман. – У нас действительно с деньгами туго. Мы еще не были...

– Забудьте об этом.

Тайхман и Штолленберг встали. Тайхман подумал, что ему было бы гораздо лучше без подарка профессора, и попытался запихнуть пакет в карман.

– Чего это у тебя там?

– Это подарок тебе, – сказал Штолленберг, которому тоже надоело таскать с собой пакет.

Девицы развернули сверток.

– Послушай, что это такое? «Свет и сила для побед!» Ха-ха!

– Вы что, пришли сюда прямо из воскресной школы?

– Полегче.

– Да они извращенцы, – завопил Евгений. – Это же надо додуматься – притащить в бордель Библию.

Через секунду он валялся под столом – Тайхман вмазал ему в челюсть.

Луняшка живо выскочил из-за стойки бара. Тайхман подумал, что сможет вырубить его, если врежет в подходящее место. А пока Луняшка будет в отрубке, они смоются. Он нанес Луняшке удар коленом в бедро, тот вскрикнул и упал. Еще один малый, которого Тайхман до этого не видел, получил удар в подбородок и рухнул рядом с Луняшкой. Тайхман вовремя заметил официанта, заходящего сзади, чтобы накинуть грязную салфетку на шею Штолленбергу. Тайхман врезал ему ногой по самому чувствительному месту. Официант схватил себя руками между ног, слегка наклонившись вперед и открыв подбородок, и Тайхман успел нанести ему в челюсть увесистый свинг, который полностью вывел официанта из строя. Луняшка пришел в себя и запустил бутылкой в Штолленберга, но тот успел пригнуться, и бутылка угодила в только что вошедшего посетителя. Тот свалился на пол, а Луняшка, получив от Штолленберга удар ребром ладони по шее, снова вырубился. Штолленберг потащил Тайхмана к выходу.

– Классная драка!

Он заправил галстук в рубашку и сунул свои часы в карман. Затем швырнул в центр зала несколько стульев, а вслед за ними запустил маленький столик. Штолленберг без разбора обрабатывал ножкой стола любого, кто к нему приближался. И вдруг Тайхман увидел ту милую девушку, которая недавно бросала на них обнадеживающие взгляды. Она спускалась по лестнице, одетая лишь в короткий жакет и туфли на деревянной подошве. Она крикнула: «Полиция!», но, похоже, остальные ее не услышали.

Тайхман и Штолленберг вышли из борделя. У дверей остановилась полицейская машина, и из нее выскочили стражи порядка. Тайхман обратил их внимание на то, что творилось внутри заведения.

Завернув за угол, Тайхман и Штолленберг пробежали несколько сот метров, а затем легкой походкой направились в гавань. Шел дождь, но их это не волновало.

На следующее утро Штолленберг свесил с койки белокурую голову и поинтересовался:

– Надеюсь, ты хорошо отдохнул?

– Спасибо, хорошо, – ответил Тайхман.

– Я отлично выспался. Должно быть, вино, шнапс и драка пошли мне на пользу. Скажи, а неплохие вчера вечером были ребята.

– Еще какие неплохие.

– А девочки так себе, правда?

– Точно.

– Совсем не в моем вкусе. А у Евгения рожа просто отвратная.

– Сомневаюсь, чтобы она стала лучше после драки.

– Точно. Ты его основательно отделал. Зато теперь зубная боль не будет мучить. Ты только подумай, все по роже получили, кроме нас. Славный вечерок, а?

– Именно так, – подтвердил Тайхман.

Вошел Хейне.

– Доброе утро, господа. Полагаю, вы читали перед сном Писание. Вот такой он, мой старик; раздаривает Библии, словно цветы. У него это бзик какой-то.

– У других и похуже бывает, – заметил Тайхман.

– Да. Например, капитан не дает мне рекомендацию. Я только что от него. Тебе он напишет, а мне нет. И все из-за моего гнусного языка, сказал он, и еще из-за того, что я оскорбил Дору.

– Не переживай, – успокоил его Тайхман. – Я все улажу.

– Ее здесь больше нет.

– Я знаю, но она придет сюда обедать. Я поговорю с ней.

– Только не ползай перед ней на брюхе. Не так уж мне и нужна эта рекомендация. По правде говоря, я рад, что высказал ей все, что о ней думаю.

- Да ты просто обозлился, что она тебя отшила.
- Обойдусь и без нее.
- Но ведь однажды случилось, что ты ее захотел, а она тебя – нет.
- Все в прошлом. Так или иначе, а я ее отбрил будь здоров.

На самом деле Хейне сделал больше. Он взял молоток и, взобравшись на крышу капитанской каюты, как раз над тем местом, где стояла койка Доры, принялся сбивать краску, которой там никогда не было. Он колотил по крыше, пока Дора не выскочила из каюты и не велела ему прекратить грохот. Тогда он сказал:

- Старпом приказал мне сбить краску.
- Я не могу заснуть в таком шуме.
- Значит, не очень хочешь спать.
- Нет, хочу.
- Поспишь потом.
- Когда потом?
- Когда кончу.

Слово за слово, короче, дело кончилось тем, что старик приказал ему прекратить шум. Хейне назвал это шоковой терапией для Доры и повторил лечение несколько раз.

Незадолго до полудня Тайхман вышел на пирс. Он купил газету и уселся на причальную тумбу. Прочитав, что какой-то генерал переплыл Вислу, он подумал, что это было сделано ради дешевой саморекламы, на самом же деле описывались боевые действия в Польше. После этого он принялся изучать спортивную страницу.

Увидев Дору, он сложил газету и встал с тумбы.

Дора протянула ему руку:

- Привет, малыш.
- Ты шикарно выглядишь.
- Я теперь меньше работаю.
- Оно и видно.

– Он – владелец кафе, совершенно потрясающей забегаловки. На следующей неделе мы поженимся, но это совсем не значит, что мне надо будет торчать там все время.

- Сколько ему?
- Он чуть-чуть постарше тебя. Шестьдесят два. Но выглядит на пятьдесят.
- Ты его быстро укатаешь.
- Не дерзи.
- И ты там будешь самой главной?

– Знаешь, местечко вправду очень милое. Две боковые комнаты. Отдельные. Четыре девушки...

- А красные обои там есть?
- Красные? А, ну да, они такого красноватого оттенка.
- А девушки живут в самом заведении?
- Так удобнее.
- Ну, тогда мне все ясно.
- Это совсем не то, что ты думаешь.
- Если сейчас не то, скоро будет то.

– Ну в любом случае все будет по высшему классу. Если вздумаешь заглянуть – добро пожаловать. Ты, я полагаю, мастер на все руки.

– Обо мне не беспокойся. Но я вот о чем хочу спросить: ты что же, расстаешься со стариком?

– Сегодня встречаюсь с ним в последний раз. Однако мы расстаемся друзьями. А тебе-то какое до этого дело?

– Совершенно никакого. Я хотел поговорить с тобой о моем друге, Герде Хейне. Старик не дает ему рекомендацию.

– А он ее и не заслуживает.

– Может, замолвишь за него словечко перед стариком?

– Ты хочешь, чтобы я с ним сегодня была понежнее, так, что ли?

– Я думаю, у тебя и без этого получится...

– Запомни: «без этого» ничего в жизни не добьешься. Даром ничто не дается. Но я не из таких. Для тебя я сделала бы и за так, ха-ха. Впрочем, если тебе это поможет, то я добуду твоему Хейне рекомендацию.

– Спасибо тебе большое.

– Да не за что. Пока, малыш. Смотри, не утони на этом линейном крейсере. – И Дора скрылась в каюте капитана.

Когда она ушла, появился Хейне. Пока Тайхман разговаривал с Дорой, он наблюдал за ними.

– Ну что, она согласна?

– Согласна.

– Подумать только.

– Думать не вредно.

– Но благодарить ее я не буду.

– Она и не просила.

– Значит, моя рекомендация зависит от того, удовлетворит ли она сегодня старикана или нет?

– Я бы так не сказал.

– Ты, похоже, втюрился в эту овцу.

– Все нет. Но она не такая уж и плохая.

– Это смотря как взглянуть.

На обед были свиные котлеты, бобы и картошка. Тайхман положил себе три полных черпака и взял две котлеты, полагавшиеся тем, кто ушел в увольнение. Затем он улегся на свою койку и решил, что война пока что штука вполне терпимая. Штолленберг и Хейне тоже разлеглись на своих койках, но заснуть не смогли; матросы пили шнапс и шумели. Когда шнапс кончился, они сходили на берег и принесли еще. Этот шнапс оказался похуже, но если ты уже выпил достаточно, то большой разницы нет.

– Медосмотр завтра в одиннадцать ноль-ноль, – крикнул боцман Швальбер. – Мы выходим в десять. Будет какой-то доктор в чинах из флотских. Так что вымойте шеи.

– Пошли они все к черту, – заорал Питт. – Что нам эти флотские? Я хожу в море двадцать лет и не собираюсь наряжаться перед этими пижонами. Пойду на осмотр в этих лохмотьях и покажу им свою голую задницу.

– А тебе ее и так придется показывать, – заметил Штюве. – Они захотят посмотреть, нет ли у тебя геморроя.

– Ну, они еще не то увидят, – прорычал Питт.

Его бутылка была пуста. Мекель был тоже хорош; он долбил кулаком по столу так, что бутылки приплясывали, а Хинш кричал:

– Спасибо нашему фюреру.

После того как он произнес это дважды, его повалили на койку. Тогда он затянул «Интернационал». Ему на лицо набросили одеяло, но приглушенные возгласы «хайль» все равно были слышны.

– Я принес рекомендации, – объявил Хейне, входя с тремя конвертами в руках.

– Это старик тебе дал?

– Нет, Дора. Она отпечатаала их на машинке, а старикан только поставил подпись.

Они прочитали их.

– Классные рекомендации, и к тому же ни одной орфографической ошибки. Я в восторге!

В своем конверте Тайхман нашел визитную карточку с адресом и припиской внизу: «Со следующей недели меня будут звать фрау Хольм».

«Мне это по фигу», – подумал он.

Они взяли по клочку бумаги, написали «дополнение к заявлению» и приколоты их к рекомендациям. Они адресовали конверт инспектору Военно-морского училища в Киле. Хейне отнес его на берег, чтобы опустить в ящик.

Утром им объявили, что медосмотр отложен на двое суток, а примерка формы переносится на завтра. Срок окончания ремонта был продлен в четвертый раз. И они поняли, что попали на военно-морской флот.

После обеда они перекинулись в карточки по маленькой. Но после того как у Хейне за одну игру три раза оказался валет треф, они бросили играть. Остальные пили или устраивали тараканы бега, но лишь немногие тараканы достигали финиша, большинство упирались в края дорожки. Если они бежали недостаточно быстро, их подгоняли зажженными спичками, отчего многие подышали.

– Тайхман, поднимись-ка наверх, к тебе пришли, – крикнул кок Шмуцлер.

На пирсе стояла Дора.

– Привет, малыш. Есть свободная минутка? Хорошо. А теперь послушай: самое позднее через три дня мне нужны тысяча сто марок; если я не достану этих денег, то мое место займут. Я собрала только шестьсот. Больше нет.

– У меня сейчас нет денег, Дора; марок шестьдесят наберется, не больше.

– Я подумала, может, у тебя есть на примете человек, у кого водятся деньжата.

– Кроме профессора, поющего церковные гимны, я в Гамбурге никого не знаю, да и вряд ли он даст тебе денег на кафе.

– Я напишу расписку по всей форме.

– Я верю.

– И ничего нельзя сделать?

– Ничего. Что, все так плохо?

– Что значит – плохо? Просто не выйду замуж.

– А тебе без этого, конечно, не жить.

– Да, не жить, а почему – тебя не касается. Ладно, не обращай внимания, я справлюсь.

Пока, малыш.

– До свидания.

– Послушай, я не хочу, чтобы ты думал, будто я прошу у тебя денег из-за этих рекомендаций... Я не такая, честно.

– У меня и в мыслях этого не было, поверь мне. И спасибо за рекомендацию.

– Ты доволен?

– Еще как. Хейне и Штолленберг тоже довольны.

– Я знаю. Хейне сказал мне об этом, когда благодарил перед моим уходом на берег. Но он не сообщил, доволен ли ты. Ну, пока.

Хейне валялся на койке и читал газету.

– Привет от Доры, – сказал Тайхман.

– Чего эта овца хотела?

– Хотела знать, доволен ли я рекомендацией и почему не сказал ей спасибо, как ты.

– Чушь. А что ей еще было нужно?

– Пятьсот марок.

– Дороговаты оказались рекомендации, – заметил Хейне.

- Они тут ни при чем. Если она за три дня не добудет денег, ее место займут.
- Пятьсот марок на дороге не валяются.

Боцман Швальбер просунул голову в дверь и сказал:

- Медосмотр завтра в девять. Построение в восемь. Всех проверю, чисто ли вымыты.
- Заткнись, – крикнул Штюве. – Если я недостаточно чистый для их светлостей, то пошли они...

- Не буянь, Штюве. Я имею в виду салаг.
- Ты хочешь посмотреть, как они моются, хе-хе? Однажды они побьют...
- Штюве, ты прост как задница. В этом никто не сомневается, – произнес Швальбер.
- А ты тупой пидор, – крикнул Хейне вслед боцману.

Тайхман и Штолленберг сошли на берег. Тайхман купил пачку не облагаемых налогом сигарет, а Штолленберг – трубку из корня эрики с надписью «Гарантия: настоящая эрика» и к ней три пачки табаку. Они выпили несколько бутылок пива и вернулись на борт своего судна.

– У них там пьянка, – сказал боцман Швальбер, когда они шли по сходням. – Хотите пойти на корму?

- Да, мы тоже не против выпить, – сказал Тайхман.
- Делайте что хотите, но в восемь мы уходим. Повторять не буду.
- Я думаю, мы сумеем это запомнить.

Питт, Лёбберман по прозвищу Медуза, Штюве и Остербур угощали команду.

– Эй, сосунки! Выпейте с нами, мы платим, – сказали они Тайхману и Штолленбергу. Старики начали уже задолго до них, и прежде, чем молодые набрались, Питт, Лёбберман и Штюве уже валялись под столом. К полуночи под стол сполз и Тайхман. Штолленберг уселся на пол подле него. Потом они вместе с Остербуром перенесли Тайхмана на койку, после чего Остербур опорожился в ботинки Тайхмана.

«Надо бы это вылить, это единственное, что я могу сделать», – подумал Штолленберг, ложась спать. Его тут же закружило, как на карусели, с той только разницей, что слезть с нее не было никакой возможности и никто не брал денег.

Его разбудило рычание Тайхмана. Один ботинок был на нем, другой отскочил, когда он пытался всунуть в него ногу.

- Чья это работа? Я хочу знать, чья это работа?
- Остербура, – сказал Штолленберг, не зная еще, к чему это приведет.

Тайхман подошел к койке Остербура и мочалил его физиономию до тех пор, пока не раздался хруст костей. Остербур поначалу звал на помощь, но потом уже просто лежал и стонал. У Остербура была верхняя койка, и Тайхману пришлось бить кулаком поверху, что еще больше разозлило его.

- Эй, Ганс, остановись, ты убьешь его, – крикнул Штолленберг и слез со своей койки.
- Хватит с него, – согласился Тайхман и вылил содержимое своего ботинка на лицо Остербуру. Остербур поперхнулся, но ничего не сказал. Похоже, он был без сознания. «Если бы я только мог проблеваться, – подумал Тайхман, – я бы сделал это в ботинки Остербура».

Когда Тайхман напивался, он становился непредсказуем. Он был не из тех счастливцев, которым стоит только сунуть два пальца в рот, чтобы вызвать рвоту. У него был небольшой опыт питания, до окончания школы он вообще в рот не брал спиртного. Дома ему доставался только глоток шампанского на семейных праздниках, который не оказывал на него никакого воздействия. Однако на первом же школьном пикнике он здорово набрался, и они со Штолленбергом позвонили в дверь самого ненавистного им учителя, накинули ему на голову мешок и лихо отделали. В мешке образовалась дырка, учитель их узнал, и через два дня обоих исключили из школы. По предложению Тайхмана они завербовались на рыболовецкое судно.

– Если ботинок был полон, значит, в него писал не только Остербур, – сказал Штолленберг. – Назови остальных, и я из них дух вышибу.

– Давай лучше вымоем твой ботинок, Ганс.

Они пропустили тесемку в петлю наверху ботинка и свесили его за борт.

Хорошенько его прополоскав, Штолленберг вернулся в кубрик. Тайхман остался на палубе. Он по-прежнему ничего не мог из себя выдавить, только сплевывал и все время дрожал. Затем он набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание, вспоминая запах шнапса и окурков там, внизу; опять ничего. Тогда он спустился по трапу в кубрик, плюхнулся на койку и задернул занавеску. И тут шнапс начал проситься наружу. Он плотно зажал рот, но тот полез через нос.

Было уже семь, когда к кораблю на велосипеде подъехал Хейне. Под мышкой он держал коробку для пирожных, в которой были четыре ампулы, переложенные стружкой. Он приставил велосипед к причальной тумбе, осторожно поднялся с коробкой на борт и поставил ее за лебедкой. Потом пошел в матросский кубрик и разбудил Питта, Лёббермана, Штюве и Мекеля.

Они поднялись на палубу, и Хейне раздал им ампулы. Каждый из них заплатил ему по сотне марок. Это были не настоящие ампулы, а простые стеклянные трубки, в которых хранят гаванские сигары. Хейне взял их из кабинета отца.

– Думаешь, сработает? – спросил Мекель.

– Можешь не сомневаться, – заявил Хейне. – У моего дядюшки в крови столько сахара, что впору открывать кондитерскую лавку. Медкомиссия завернет тебя как диабетика. Хоть мой дядька и генерал, а из-за диабета его уволили из армии.

– Ты что, ездил в Нинштедтен?

– Да, я вам говорил, мой дядька встает рано. Я подмазал горничную, прошел в его спальню и, пока он совершал утреннюю прогулку, опустошил ночной горшок. Надо будет слегка встряхнуть ампулы, прежде чем опрокидывать их в пробирки, которые вам дадут. Только смотрите, не попадитесь.

– Об этом не беспокойся. Ну, по рукам.

– Сотня марок не так уж много за такую услугу.

– Таков был уговор, – сказал Питт.

– Тогда мне надо найти еще пару парней, чтобы покрыть расходы.

– Так не пойдет, – запротестовал Лёбберман. – Если нас будет слишком много, это вызовет подозрения.

– Ну хорошо, Медуза. Давайте скинемся еще по десятке. Теперь для нас нет никакой разницы.

– По двадцатке, – уточнил Хейне.

– Хорошо, но не больше.

«Теперь, – подумал Хейне с удовольствием, – мне не придется отдавать Доре собственную сотню». На всякий случай он попросил сто марок у отца. Он сошел на берег, оседлал велосипед и укатил прочь.

Хейне вернулся незадолго до построения на медосмотр. По пути на призывной пункт он сообщил Тайхману и Штолленбергу, что Дора получила свои пятьсот марок, и рассказал, как их добыл. Они не поверили ни единому его слову.

– Это истинная правда, – уверял Хейне. – У меня есть дядя, отец моего брата, он генерал и был уволен из армии по здоровью, из-за диабета. Он живет в Нинштедтене...

– И он любезно предложил тебе немного своей мочи?

– Вот тут-то вся загвоздка. Его болезнь подала мне идею. Конечно, я не был в Нинштедтене. Бог ты мой, да мне и в голову не пришло бы поехать в такую даль на велосипеде. Я щедро поделился с товарищами собственной мочой.

– Смотри-ка, на что ты способен ради шлюхи, – удивился Тайхман.

– Я сделал это не для нее, а так, ради хохмы. Хотелось натянуть нос этим придуркам.

– А они отделают тебя, если поумнеют.

– Я к тому времени буду уже далеко. Вчера вечером я позвонил нашему министерскому другу в Киль. Он сказал, что все сделает как надо. Он еще позвонит сегодня днем.

Тайхман подумал, что Остербур получил по заслугам, и не стал осуждать Хейне. Остербур не смог пойти на медосмотр. У него были сломаны нос и нижняя челюсть, выбиты несколько зубов, а глаза не открывались. После того как Швальбер отмыл ему лицо, старпом отослал Остербура в госпиталь.

– Так с товарищем по команде не обращаются, – заметил он. – Это уж слишком.

Очередь на медосмотр дошла до них только через три часа. Потом все пошло быстро. Осмотр был поверхностным, а врачи настроены дружелюбно. Лишь один из них пытался проявить добросовестность. Он был молод и, наверное, поэтому кричал на обследуемых, а может, ему просто не нравилась его работа. Он заставлял моряков нагибаться, выставив свои голые зады и раздвинув руками ягодицы, чтобы доктор мог заглянуть поглубже. В кабинет заходили по трое. Старпом и Лёбберман, наверное, недостаточно широко раздвинули ягодицы, и доктор взревел:

– Да я вас до самого горла раздвину, болваны!

В ответ на это старпом выдал такой мощный залп, что Тайхману в соседней комнате показалось, что содрогнулись стены. Не успел доктор прийти в себя, как Лёбберман повторил подвиг старпома. Его взрыв был не таким мощным, но вполне адекватным.

На какое-то время доктор лишился дара речи. Затем он ворвался в соседнюю комнату, где работал старший терапевт, и описал происшедшее. Они вели себя как скоты, горячился он, и их надо наказать. Что он должен для этого сделать?

– Открыть окно, – сказал начальник и добавил, что природа требует своего, и ничего тут не напишешь.

– Но они сделали это намеренно, – завизжал доктор. – Более того, они сделали это в унисон.

– В этом случае, – констатировал старший терапевт, – они мастера своего дела. Надо отдать им должное.

После этого они отправились в помещение, где делали анализ мочи. Питт и Штюве стояли у двери и ждали Хейне, грозясь убить его. Но Хейне не показывался. Штолленберг сообщил ему в кабинете врача уха-горла-носа, что его ждут. Хейне ответил, что давно прошел медосмотр и идет домой.

На следующее утро, когда они драили палубу, появилась Молли и передала привет от господина Хейне. А господам Тайхману и Штолленбергу, сказала она, следует немедленно прибыть на Бланкенезе, так как позвонил господин из Киля, а если велосипед господина Хейне все еще здесь, то они могут захватить его с собой.

Глава 2

Экзамены в Киле оказались очень интересными.

Сначала они прошли медицинский осмотр, затем написали сочинение на тему: «Что бы произошло, если бы луна была сделана из сыра?» После этого каждый из них должен был произнести небольшую речь. Тайхман посвятил свое выступление натурфилософии. Хейне дал ему почитать «Загадку Вселенной» Гаккеля, и по дороге в Киль Тайхман выписал несколько редких иностранных слов и в первых же предложениях своей речи ухитрился вставить их все – в добавление к тем, которые знал раньше. Для экзаменационной комиссии этого было вполне достаточно.

Хейне, выступавший самым последним, посвятил свою речь истории военно-морских сражений. Стоя перед комиссией, он скрестил руки на груди, в то время как другие скромно держали их за спиной.

– Что означает ваша поза? – резким тоном спросил председатель комиссии.

– Мне показалось, что будет очень скучно, если все будут говорить в одной и той же позе. Кроме того, это была любимая поза Наполеона, а он считался неплохим оратором.

Председатель вынул из глаза монокль и сказал:

– Я смотрю, что вы не страдаете комплексом неполноценности.

– Если бы я им страдал, то не пошел бы на флот, – ответил Хейне.

Члены комиссии сделали кислые мины, но речь выслушали внимательно. Хейне говорил, как профессор. Штолленберг экзаменовался в другой группе. Он отказался готовить речь, хотя Хейне подкинул ему не менее дюжины тем.

– Ну и о чем же ты говорил? – спросил Хейне, когда они собрались в столовой «Милу-оки», бывшего круизного лайнера.

– О ловле селедки.

– Я вижу, тебе на роду написано стать адмиралом.

– Конечно, иначе ни за что не ввязался бы в это гнусное дело.

На второй день экзаменов к их столу подошел высокий неуклюжий парень и представился:

– Граф Бюлов. – Они уселись за стол, но не успели еще приступить к еде, как новичок сказал: – Хочу заказать вам всем по рюмочке. Мне надо выпить – я завалил экзамен.

Они выпили по рюмке водки, и Тайхман заказал еще.

– Если дело пойдет так и дальше, – заметил Штолленберг, – то психологической проверки нам не пройти.

– Не переживай, – сказал Бюлов, – я пытался ее пройти, но меня забраковали. Буду рад рассказать вам, что это за проверка. Ее не сможет пройти никто. Впрочем, у вас есть возможность ее избежать.

– Береженого бог бережет, – произнес Хейне. – Так что давай, рассказывай.

– Сначала один мужик с бешеной скоростью называет числа. Когда слышишь четное число, надо поднимать правую руку, а когда нечетное – левую. Если число делится на три, нужно топнуть правой ногой. Когда он называет простое число, нужно кивнуть. Кроме шуток, господа, это был настоящий дурдом. Я спросил психолога, зачем все это нужно. Он ответил, что это показывает, разбираешься ли ты, что к чему. Потом мне велели говорить на самые разные темы, а сами перебивали на полуслове всякими дурацкими вопросами, пытаясь сбить с толку. Один из них все допытывался, какого цвета белье у моей девушки. Я ответил, что, когда спал со своей девушкой, на ней обычно не было никакого белья, и кроме того, мы всегда выключали свет, поскольку она была довольно застенчивой. Психолог улыбнулся – он, кажется, был удовлетворен. Ну, если им нужно именно это, подумал я, то много чего могу рассказать. Потом

один высохший старикашка спросил меня, что я буду делать, если меня не возьмут на флот. Я сказал, что пойду в летчики. Ну а если вас не возьмут в авиацию, спросил он. Тогда подамся в армию. Очень хорошо, а куда вы пойдете, если вас и туда не возьмут? Попытаюсь пробиться в войска СС. А вдруг и в СС вас забракуают? Что вы будете делать тогда? Ну, тогда, сказал я, куплю себе деревянную башку и подамся в психологи. Он меня доконал своими дурацкими вопросами. Вот тут-то меня и вышвырнули. Как я уже говорил, можно только надеяться, что этот дурдом вас минует. Ваше здоровье.

Когда вино было выпито, Бюлов раздал всем кофейные зерна.

– Их надо медленно жевать, и тогда ваш алкогольный барометр упадет. А если будете жевать совсем медленно, то почувствуете себя свеженькими как огурчики. А теперь удачи вам.

Они собрались у здания, которое Бюлов окрестил дурдомом. Вскоре на крыльцо вышел офицер и заявил, что те, чьи имена он назовет, успешно прошли испытания и в психологической проверке не нуждаются. Кто из них захочет, может остаться в Киле, чтобы завтра отправиться в Штральзунд, где находится училище. Но не позже чем через неделю все должны быть в Штральзунде.

– Граф фон Бюлов, – прозвучало первое имя. Чуть позже был назван Штолленберг, а потом и Хейне. Хейне отправился на «Милуоки» поздравить Бюлова.

Оставшиеся кандидаты были разделены на группы по четыре человека каждая, и должны были пройти проверку психолога. Имя Тайхмана не было названо. Ему пришлось доложить об этом лейтенанту средних лет, который спросил, есть ли у него согласие родителей, необходимое для добровольцев, не достигших нужного возраста.

Тайхман сказал, что 29 сентября ему исполнится семнадцать и что его отец умер. Тогда офицер спросил, как к его решению стать военным относится мать. Тайхман сообщил, что она вышла замуж во второй раз и уехала в Швейцарию. Офицер спросил, знает ли она, что он записался добровольцем. Тайхман ответил, что его мать перестала им интересоваться с тех самых пор, как вышла замуж. Офицер не мог этого понять, Тайхман разозлился и заявил, что после смерти отца он почти не получал известий от матери и ей совершенно безразлично, как он теперь живет. Офицер немного подумал и сказал, что Тайхман тоже может отправляться в Штральзунд.

Они собрались в баре «Милуоки» и стали пить за здоровье друг друга. Они пробовали все напитки, что были в баре, не придерживаясь никакого порядка. Поужинать они забыли. Потом выпили на брудершафт и после этого стали пить до дна.

К десяти часам Хейне так набрался, что Тайхману пришлось отвести его на станцию. Хейне решил последним поездом уехать в Гамбург, а назавтра вернуться в Киль. Им пришлось бежать, чтобы успеть на поезд, и Хейне немного протрезвел. Тайхман посадил его в купе первого класса и только успел выскочить на перрон, как поезд тронулся.

Назад он медленно брел вдоль гавани, наблюдая за лодками, доставлявшими на верфи ночную смену. Город был погружен во тьму. Только луна, похожая на шар из сливочного масла, сияла на небе. Вдруг она исчезла. На небе не было ни облачка: Тайхман не мог понять, куда она делась, даже хотел спросить об этом одну из парочек, сидевших на скамейках, но молодые люди были слишком заняты собой, чтобы обращать внимание на луну. Он пошел дальше и вдруг снова увидел ее на месте. Тогда он догадался, что ее закрыл собой аэростат воздушного заграждения. Тут он заметил, что их было несколько, и ему показалось, что они медленно поднимаются. Он сделал всего несколько шагов, когда завывла сирена. Со стороны моря к ней присоединились сирены торпедных катеров, над городом загорались лучи прожекторов. Тайхман услышал, как побежали люди. И тут появились самолеты и заговорили тяжелые зенитные орудия. Грохот стоял такой, что Тайхман подумал сначала, что это рвутся бомбы, но это стреляли 88-миллиметровые зенитные орудия.

Самолеты окружили город со всех сторон, оставаясь вне пределов досягаемости их снарядов. Только два или три из них попытались прорваться сквозь завесу зенитного огня, чтобы сбросить бомбы на доки. Но они сбросили свой смертоносный груз, не долетев до них, и поспешили повернуть назад. Бомбы упали в воду. Тайхман впервые услышал звук падающей бомбы. Взвизгивания ее стали короче, а тон – ниже. Тайхман увидел столбы воды, поднимающиеся в гавани все ближе и ближе к нему. Его сбило с ног, он упал и ударился затылком о что-то твердое.

Тайхман поднялся. Он не мог понять, что произошло. Что-то случилось, подумал он, и на мгновение ему стало смешно. Тут он услышал, как кто-то кричит:

– Гертруда!

Наконец он увидел того, кто кричал. В нескольких метрах от него стоял мужчина, который вскрикивал:

– Гертруда!

Впрочем, это больше походило на вой: «Гертруу-у-да». Он стоял и выл, а на земле у его ног лежала женщина.

– Мне не больно, – говорила она. – Совсем не больно.

Какой-то человек подбежал к ним. Тайхман тоже подошел.

– Ее ранило, – сказал человек и включил фонарик, загораясь светом рукой.

Из раны на правом колене женщины текла кровь. Ее нога была вывернута под углом 180 градусов, пятка правой ноги касалась пальцев левой, а обе ступни располагались параллельно друг другу. Мужчина, который был с ней, стоял рядом и плакал:

– Гертру-у-да.

Женщина села и увидела свои ноги.

– Мне не больно, – сказала она и прикрикнула на мужчину: – Прекрати выть! Слушать тошно.

Человек с фонариком уложил ее на спину. Тайхман держал в руках ее ногу. В кость вонзился осколок бомбы – металл еще не успел остыть. Тайхман хотел вернуть ногу в нормальное положение, он думал, что неправильно ее повернул. В ту же самую минуту человек с фонариком уложил женщину на тротуар. Нога осталась у Тайхмана в руках.

У женщины была сумочка с длинным ремешком. Тайхман оторвал ремешок и попытался перетянуть им обрубок ноги, чтобы остановить кровь, но, когда затянул ремень, тот порвался.

– Пойду поймаю машину, – сказал человек с фонариком.

– Гертру-у-да, – снова завыл мужчина.

Человек положил фонарик на землю и убежал. Тайхман взял ногу женщины и прижал ее к обрубку. Кровь теперь не лилась, а тихонько капала на землю. Он крепко прижимал ногу, пока у него не заболели руки. Почувствовав, что устал, Тайхман положил голову на живот женщины, которая лежала неподвижно.

– Погасите свет, – крикнул кто-то. Тайхман отбросил фонарик ногой. Ему вдруг показалось, что он оглох; он знал, что мужчина рядом с ним по-прежнему выкрикивает имя женщины, но почему-то не слышал этого. В ушах его громко стучало, как будто кто-то огромной палкой колотил по барабанной перепонке, стараясь пробить ее.

Когда появились двое мужчин, чтобы унести раненую женщину, Тайхман сначала испугался. А потом обрадовался. Он не знал, сколько времени пролежал рядом с ней. Мужчины, быстро перевязав ногу, положили пострадавшую на носилки и задвинули их в машину «Скорой помощи». Они захлопнули дверь, уселись на переднее сиденье и уехали. Когда хлопнула дверь, к Тайхману снова вернулся слух.

Рядом с ним лежал мужчина, кричавший «Гертруда», и глядел на брошенную ногу. Санитары забыли взять ее с собой. Тайхман пнул ее, и она упала в воду. Раздался всплеск, тут мужчина встал, назвал свое имя, которое Тайхман не расслышал, и протянул ему руку.

Тайхману хотелось вытереть запачканные в крови руки о штаны, но мужчина сказал:

– Не волнуйтесь, это моя кровь.

– О, – произнес Тайхман. Больше ничего ему на ум не приходило.

– Это была моя дочь, – пояснил мужчина. – Мой единственный ребенок, понимаете?

Только позже до Тайхмана дошло, что мужчина говорил о своей дочери в прошедшем времени. Пока он раздумывал, умрет женщина или нет, – а ему казалось, что она все-таки выживет, – рядом с ними остановился легковой автомобиль. Из него вышел человек в форме.

– Здесь что-то произошло? – спросил он.

Тайхман не ответил. Вопрос показался ему таким глупым, что он чуть было не вытер окровавленные пальцы о лицо военного.

– Здесь кровь, – произнес тот и нахмурился. – И много крови, правда?

«Жаль, что я выбросил в море оторванную ногу», – подумал Тайхман.

– Что случилось? Здесь кого-то убили?

В эту минуту вернулся человек, которому принадлежал фонарик.

– Где мой фонарь?

Он лежал в луже крови. Человек поднял его.

– Там ее туфля.

Тайхман поднял туфлю и засунул в карман куртки.

– Я хочу знать, кого здесь убили? – резким голосом спросил человек в форме.

– Вон там ее отец, – ответил Тайхман.

Человек в форме сел в машину. Шофер завел мотор, но он снова вышел из нее и сказал:

– Мы должны стиснуть зубы, товарищи, мы...

– Что вы сказали? – спросил Тайхман, который ничего не понял.

– Выключи мотор. Надо беречь бензин, – велел шоферу военный, а потом повернулся к Тайхману: – Мы воюем и должны стиснуть зубы. Но мы победим.

Он забрался в машину и уселся рядом с шофером. Когда мотор снова заработал, он крикнул:

– Бог покарает Англию!

Человек с фонарем выкрикнул в ответ:

– Хайль Гитлер! – а Тайхману сказал: – Смотри-ка, чиновник, а интересуется жизнью народа.

– Может, и интересуется, – согласился Тайхман, – но он сэкономил бы гораздо больше бензина, если бы не велел глушить мотор. На холостых оборотах он потребляет меньше горючего, чем когда его заводят.

– Завидую крепости ваших нервов.

– Почему?

– Ну, знаете ли... Впрочем, хайль Гитлер!

Вернувшись на «Милуоки», Тайхман спросил ночного стюарда, можно ли принять ванну.

– Разумеется, можно, – ответил тот.

Стюард провел его на палубу А, где располагались каюты первого класса с ванными, и сказал:

– Оставьте вашу одежду здесь. Я пришлю китайца, и он ее почистит, пока вы будете мыться.

– Отлично, – кивнул Тайхман. – Можете передать ему, чтобы не торопился, – я посижу в ванне не меньше часа.

Тайхман открыл горячую воду. Ванна была сделана из зеленого кафеля, да и вся комната была выдержана в зеленых тонах – это ему понравилось. Сначала он смыл кровь с рук, потом разделся и оставил одежду в каюте.

Полчаса Тайхман нежился в горячей воде. Ему очень понравилось – такого он еще никогда не испытывал. На лбу у него выступили капельки пота, а чистая горячая вода возвратила силу и покой. Душистое мыло пахло каким-то экзотическим цветком, и, прежде чем намылиться, он размял его в руках, словно это был пластилин. Затем он тщательно намыливался, пока все его тело не покрылось густой, похожей на хлопья пеной, и лег в воду. Спустя некоторое время вытащил затычку и собирался уже включить душ, как обнаружил коробочку с ароматическими солями. Тайхман снова наполнил ванну водой, высыпал туда соль и снова залег. Потом он выпустил воду и принял душ, чередуя холодную и горячую струи. В самом конце он включил одну холодную и простоял под ней несколько минут.

Открыв дверь в каюту, Тайхман увидел, что китаец поставил туфельку раненой женщины рядом со свежевывищенными ботинками. Он понимающе улыбнулся, но не успел Тайхман открыть рот, как его желтое лицо исчезло. Тогда Тайхман распахнул иллюминатор и выбросил туфельку в море.

Его одежда была вычищена, а на брюках заутюжена складка. Он положил на стол десять марок, и, присоединившись к своим товарищам в баре, стал накачиваться алкоголем.

От выпивки ему стало легче. Он пил с таким чувством, будто попал в передрагу и сумел выжить. Так и надо воспринимать все события, втихомолку философствовал он. Только так и выживешь на войне. Потом он закурил сигару и, хотя его подташнивало, докурил ее до конца.

– Эй, парень, – сказал ему кто-то. – Чего это ты там фыркаешь? Уже соскучился по мамочке?

– Нет, это от дыма.

В Штральзунде их приняли не особенно любезно.

У ворот вокзала новобранцев встретили сержанты из училища, которые велели им построиться в колонну. Они прошли через город строевым шагом, с вещевыми мешками за спиной. Жара стояла невыносимая. Хейне хотел было взять такси, но сержант запретил, заявив, что он пришел на флот, а не в Армию спасения. Хейне предложил ему проехаться вместе с ними в такси, но и это не помогло. Пришлось идти пешком. «Теперь им осталось только заставить нас петь», – подумал Тайхман, но до этого дело не дошло – сержанты следили только за тем, чтобы новобранцы не сбивались с ноги. Тем временем стало известно, что училище находится не в Штральзунде, а в Денхольме.

Денхольм – это заросший травой песчаный остров, на котором располагались казармы, столовая, несколько спортзалов и арсенал да росло несколько деревьев и кустов. Больше здесь ничего не было. По утрам сюда приезжала группа женщин в шерстяных чулках или с босыми ногами. Они работали на кухне, а после обеда возвращались к себе домой в Штральзунд. Новобранцы скоро выяснили, что все они замужем.

Первые недели, пока роты только формировались, жизнь была еще относительно сносной. Новобранцам не позволялось покидать остров, но они могли купаться и ходить под парусом на тендерах, стоявших в бухте.

На четвертый день Тайхман попал в переplet. Его тендер сделал неожиданный поворот и заехал в рыбачью сеть, потом его чуть было не протаранил ял.

– Катались бы лучше в своей ванне, придурки! – заорал Тайхман на его пассажиров. Две неудачи подряд привели его в ярость. Ял, по его мнению, должен был отвернуть, поскольку шел слева.

На следующий день новобранцам запретили ходить на тендерах. Тайхмана вызвали к дивизионному адъютанту, и тот сообщил ему, что за рулем яла сидела жена командира порта, которая запомнила номер его лодки. Оскорбленная словом «придурки», она требовала, чтобы Тайхман извинился перед ней в письменном виде. Он заявил, что не знал, что на борту яла были женщины. Но ему не помог даже довод о том, что они были плоскогрудые, и в одежде для

парусных гонок их невозможно было отличить от мужчин. Адьютант настаивал, чтобы Тайхман извинился. Покаянное письмо, содержащее фразу «так что ваше мальчишеское телосложение ввело меня в заблуждение», помог ему написать Хейне.

Когда были набраны четыре роты, началась учеба. Тайхман, Штолленберг и Бюлов попали в первый взвод второй роты, а Хейне – в четвертый. Они оказались в одной роте только потому, что приехали в Денхольм одними из первых.

Хейне первым из роты попал на заметку к начальству. Капрал, выдававший обмундирование, бросил ему форменку, которая с трудом на него налезла, брюки, штанины которых волочились по земле, и изношенный джемпер, крича при каждом броске: «Годится!» Хейне тут же швырял ему вещи назад, приговаривая при этом: «Не годится!» Он произносил эти слова с невозмутимым спокойствием, словно так и полагалось поступать в подобном случае. Капрал взревел. Это был кадровый моряк, для которого Хейне был всего лишь куском дерьма, и он считал, что это дает ему право на него орать.

Хейне сказал:

– Что вы злитесь? Заберите это барахло, а мне выдайте нормальную одежду.

В ответ на это капрал обозвал Хейне щенком.

– Если вы не заткнетесь, я съезжу вам по морде, – заявил Хейне. Угроза прозвучала внушительно, но оказалась совершенно не к месту, да еще была произнесена так громко, что ее услышал сержант, руководивший выдачей обмундирования.

– Сообщите мне вашу фамилию, – потребовал он. – Я доложу о вашем поведении командиру.

В субботу в десять часов утра Хейне отправился к командиру роты.

В это время в училище всегда устраивалась большая приборка. Новобранцы облачались в старье, надевали матросские шапочки и полотняные туфли, и Хейне в таком наряде ровно в десять часов явился в канцелярию. Увидев его, капрал роты спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Явился к командиру роты для получения взыскания.

– А, так это ты тот самый шутник, который устроил скандал во время выдачи обмундирования? Ты что, собираешься предстать перед командиром роты в этом тряпье? У тебя, наверное, с головой не в порядке. – Капрал глубоко вздохнул. – Дуй, пока не поздно, в казарму и надевай форму. Пулей лети.

Хейне сбегал в казарму и вернулся в сером стальном шлеме и с винтовкой за плечами.

– Всемогущий Боже! – вскричал капрал. – Зачем ты приволок сюда это железо?

– Я думал, так полагается...

– Пусть думают лошади, у них головы побольше наших. Оставь этот дрын за дверью.

Кaprал вошел в канцелярию, и Хейне услышал, как он сказал старшему сержанту:

– Там пришел курсант, который заставляет нашего командира ждать.

Хейне удлинил ремень винтовки и повесил ее на крючок на двери канцелярии. Потом постучался и осторожно открыл дверь. Внутри он увидел капрала, старшего сержанта, командира своего взвода и офицера с двумя звездочками на погонах. Наверное, это и есть командир роты, подумал он. Ротный только в пятницу вечером вернулся из отпуска, и новобранцы его еще не видели.

Хейне снял свой стальной шлем таким жестом, словно это был цилиндр, слегка поклонился в сторону ротного и сказал:

– Хейне из Гамбурга, к вашим услугам.

В комнате повисла напряженная тишина. Хейне посмотрел на присутствующих и увидел, что капрал отвел глаза, издав легкий стон. Старший сержант мрачно глядел в угол, а командир взвода, переминаясь с ноги на ногу, украдкой поглядывал на ротного.

Ротный улыбнулся. Он ответил Хейне в таком же духе:

– Разрешите и мне представиться – капитан-лейтенант Вегенер, командир вашей роты.
– Рад с вами познакомиться, – произнес Хейне.
– Я тоже очень рад. Должен вам сказать, что за все время моей службы еще ни разу не встречал более штатского человека, чем вы.

Хейне растерялся:

– Сожалею, что вел себя плохо.

– Вовсе нет, – возразил ротный. – Вы вели себя не плохо, а просто совсем не по-военному. Разве вам никто не сказал, в каком виде надо являться к командиру за взысканием?

– Никак нет.

– Ну хорошо, на этот раз я вас отпускаю, но если вы еще раз нарушите дисциплину, то простым разговором со мной не отделаетесь. Понятно?

– Так точно.

Хейне надел шлем, неумело отдал честь и вышел из комнаты с выражением исправного служаки на лице. На радостях, что легко отделался, он слишком сильно хлопнул дверью, и приклад винтовки громко стукнул.

Хейне хотел было в панике убежать, но тут в коридор вышел ротный:

– Разве вы не знаете, что винтовка для солдата – все равно что невеста? А вы собираетесь бежать, бросив ее на произвол судьбы.

Хейне поколебался, а потом сказал:

– Но ведь я оставляю свою невесту в хороших руках, господин капитан-лейтенант.

Ротный не выдержал и рассмеялся.

Под крючком, на который Хейне повесил винтовку, была прикреплена табличка: «Только для командира роты».

– Со мной, мой друг, вы можете себе позволить такие штучки, но с другими командирами настоятельно советую держать язык за зубами, а то неприятностей не оберешься.

Ротный как в воду глядел. Командир взвода и капрал припомнили Хейне все. Они не смогли забыть, как он представился ротному, а пуще всего их задело то, что он разговаривал с капитан-лейтенантом так, будто их вообще не существовало. Они придирались к нему по малейшему поводу, а повод предоставлялся довольно часто. Хейне стоически переносил все придирки, хотя ему приходилось чаще ползать, чем ходить. Он понимал, что главная причина их неприязни заключалась в том, что он умнее их, но это было слишком слабым утешением.

Тяжелые времена настали и для Тайхмана. В роте он был вторым по росту, и это сильно осложняло ему жизнь во время занятий по физической подготовке. Ему нужно было больше времени, чтобы лечь на пол и встать с него.

– Скоро мы обкорнаем эту жердь, – кричал Райман, капрал первого отделения, заставляя Тайхмана в одиночку маршировать вокруг учебного плаца с винтовкой на плече.

После двенадцати кругов у него язык лежал на плече, а Райман спрашивал:

– Небось думаешь, что к тебе придираются? Или считаешь, будто тебя заездили?

– Так точно, господин капрал, – с улыбочкой отвечал Тайхман. Он всегда улыбался, доводя этим Раймана до белого каления.

– Ошибаешься, друг мой, глубоко ошибаешься. Это тренировка, всего лишь тренировка.

Исключительно ради тренировки они заставляли новобранцев забираться по отвесной стенке, ползать по-пластунски и бегать многокилометровые кроссы в противогазах. Всякий, кто слегка откручивал фильтр, чтобы не задохнуться от своего собственного пота, получал три дня гауптвахты. Только ради тренировки они заставляли отделения взбираться бегом по крутому склону с примкнутыми штыками, а в самом крутом месте командир отделения кричал: «Ложись!» Во время подобных тренировок несколько человек обязательно получали штыковые ранения. После того как пострадавших отправляли в лазарет, старшина Земмлер, командир первого взвода, произносил традиционную речь о качествах, присущих немецким воен-

ным в целом и военным морякам в частности, и в каждом предложении не менее двух раз присутствовало слово «стойкость». Он стоял перед взводом, напустив на себя невинный вид, и добрым, сочувствующим тоном произносил:

– Товарищи, я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. За эти три месяца я должен научить вас всему тому, чему в армии учат целый год. Строевая подготовка – очень важное дело, это азбука солдата, его алфавит, так сказать. И всякий, кто думает, что на флоте будет легче, глубоко ошибается. А теперь вернемся к нашим занятиям. Полагаю, что у вас, как у будущих офицеров, достаточно серого вещества в голове, чтобы понять, зачем вам нужна строевая подготовка. Выйдя из стен этого училища, вы станете образцовыми пехотинцами, я бы даже сказал, виртуозами пехотного дела. Можете в этом не сомневаться. Так что, пожалуйста, не усложняйте мне жизнь своим небрежным отношением к оружию.

После такого краткого вступления он отдавал команду надеть противогазы и примкнуть штыки, после чего снова начинался земмлеровский цирк.

После двух часов дополнительных тренировок новобранцы приходили в нужное Земмлеру состояние. И он заставлял взвод маршировать на плацу с песней «Как прекрасно быть солдатом...», а поскольку Тайхман все время улыбался, Земмлер приказывал ему бегать вокруг марширующего взвода кругами, подобно овчарке. После этого он велел ему пробежать еще три круга вокруг плаца, в то время как весь взвод ждал его. Тайхман постарался проделать эти три круга как можно быстрее. Но когда он выполнил задание и увидел лица своих товарищей, желание улыбаться у него пропало. Довольный своими педагогическими способностями, старшина Земмлер велел взводу разойтись.

После занятий Хейне сказал:

– А что ты хотел? Они получают двести пятьдесят марок в месяц без какой-либо надежды на повышение. Кто же согласится за такие деньги...

– Но они же садисты, – перебил его Штолленберг.

– О нет, – возразил Хейне. – Они просто тупые. Чтобы стать садистом, надо иметь голову на плечах. А это просто деревенские придурки. Впрочем, для такой работы – а ведь это тоже работа – только придурки и годятся. У них же нет никаких комплексов. Нужно помнить главное – все эти занятия совершенно бессмысленны. Поэтому и думать о них не имеет никакого смысла, а тем более переживать. В армии вообще лучше не думать. Чем меньше твоя выкладка, тем легче тебе маршировать. То же самое справедливо и для интеллектуального багажа. Запомните это. Когда вы думаете, вы демонстрируете капралам свое слабое место, в которое они так и норовят заехать своими сапогами. И вы же оказываетесь в дураках.

Хейне был доволен, что сумел объяснить ситуацию, но счастливее от этого он не стал.

Во время приборки Тайхман убирал сержантский зал отдыха. Это было место, куда нога сержантов ни разу не ступала. В свободное время они заваливались на койки и дрыхли, а вечера и выходные проводили в городе. Утром, в обед и вечером Тайхман в течение пятнадцати минут вытирал в этом зале пыль. На самом видном месте здесь стоял застекленный шкаф с книгами. Ключ от него был давно уже утерян, но это никого не волновало. От скуки Тайхман выучил заглавия стоявших там книг слева направо.

По субботам в училище была большая приборка. На каждую комнату отпускалось по три ведра воды, и сержанты строго следили, чтобы все они были разобраны. Тайхман принес в зал свои три ведра и выливал воду на лужайку под окнами. Потом он сбрызгивал пол из старой консервной банки и протирал его шваброй, отчего казалось, что пол намочили, а потом вытерли насухо. Вся операция занимала не более десяти минут. Тайхман не боялся, что его застукают, поскольку дежурный сержант заходил сюда только в самом конце обхода. Но в третью субботу, когда с начала приборки не прошло еще и часа, в зал неожиданно нагрянул ротный.

– Вы – единственный человек в роте, который знает, как вытереть пол шваброй досуха. Уже закончили, да?

– Так точно.

– Ваша фамилия?

– Тайхман, матрос второго класса.

– Прекрасно, если понадобится сделать что-нибудь в моей квартире, я вас позову. Я смотрю, вы умеете работать быстро.

Командира роты любили. После разговора с ним Тайхману стало неловко. Конечно, всякий норовит увильнуть от работы, но ведь и ротный мог бы уделять больше времени курсантам. Впрочем, он только недавно женился. Он сам сообщил им об этом во время лекции, в которой, среди прочих вещей, сказал, что теперь при обращении к женам офицеров не надо называть чин их мужей. Некоторые новобранцы приветствовали его жену как фрау капитан-лейтенант. Жена командира пользовалась в роте большим уважением, может быть, потому, что была единственной женщиной, жившей в Денхольме. Но видели ее пока немногие. Бюлов назвал ее миловидной куколкой. Штолленберг в связи с этим заявил, что лучше бы она была не такой миловидной, тогда бы муж больше времени уделял своей роте, ибо, когда он появлялся на плацу, сержанты становились заметно добрее.

Однажды случилось чудо – капрал первого отделения Райман стал чуть ли не шелковым. Обычно, если ему случалось провести ночь в Штральзунде, на следующий день курсантам его отделения не было житья. Внешне Райман нимало не напоминал Аполлона, и общение с женщинами, очевидно, пробивало огромную брешь в его финансах. А может быть, и не только в них. Во всяком случае, на следующий день он всегда пребывал в ужасном настроении. Все его раздражало: дородного Шумермахера он называл «свиньей набитой», а худой Реберг, по его мнению, был «слишком ленив, чтобы есть». Но если место женщин в вечернем походе занимала бутылка, то на следующее утро ни ротный, ни взводный командиры не могли его найти. И первое отделение второй роты благополучно отсыпалось в кустах, пока не заканчивалось время занятий. К сожалению, Райман прикладывался к бутылке не часто.

И тогда Штолленберг решил помочь ему организовать свой досуг. Он попросил отца прислать ему ящик вина. Когда вино прибыло, Штолленберг спросил капрала, где бы он мог его хранить, ибо курсантам запрещалось держать в казарме спиртные напитки.

– Не могли бы мы поместить вино в вашей квартире, господин капрал? Я был бы вам очень признателен. А в качестве платы за эту услугу можете брать себе по бутылке в день.

– По бутылке в день? Я не ослышался, Штолленберг?

– Нет, не ослышались, господин капрал.

– Ну, тогда этого ящика хватит ненадолго.

– Мы достанем еще, господин капрал.

– Кто это – мы?

– Мой отец и я, господин капрал. Мой отец торгует вином.

– Ваша просьба удовлетворена.

Отдав дань Венере и вернувшись домой, Райман любил зайти в казарму и скомандовать:

– Всем встать! Вперед марш! Запевай!

И курсанты должны были петь: «С небес я спустился...» После этого он отдавал такую команду:

– Под кроватями марш, марш, песню запевай!

И из-под коек звучал хор: «В отчаянии прошу тебя, О Боже, услышь мою мольбу...»

Тому, кто пел громче всех, разрешалось первым вернуться в постель.

Теперь этому издевательствам пришел конец. Райман, шатаясь, около полуночи забредал в комнату, где спал Штолленберг, и говорил ему:

– К черту этих шлюх, мой мальчик. Я хочу выпить. Могу я взять еще бутылочку, Штолленберг?

– Я польщен, что вино пришлось вам по вкусу, господин капрал, – раздавался с койки голос Штолленберга.

И на следующий день отделение Раймана отсиживалось в кустах.

За два дня до принятия присяги один парень был исключен из училища. Им оказался невысокий парнишка невинного вида из третьего взвода, по имени Премайер. Он получил письменное уведомление о том, что не обладает качествами, необходимыми для курсанта. Вместо того чтобы чистить на кухне кастрюли, он попытался залезть под юбку одной из кухарок и напоролся на верную жену.

Флотская карьера Премайера закончилась, даже не начавшись. Он же уверял товарищей, что ни в чем не виноват – просто заглянул не под ту юбку; он знал, что одна из кухарок любит подобные утехы, но, как благородный человек, не сообщил ее имени, когда его вызвали к ротному.

После этого в пище стало еще больше селитры, а занятия сделались еще более утомительными. В результате этого на следующий день сразу три человека из первого взвода попали в лазарет.

Первым оказался Тайхман. Когда отделение лежало на земле, и Райман скомандовал встать, Шумермахер, сын землевладельца из Вестфалии, ростом сто восемьдесят сантиметров и весом не менее ста килограммов, самый крупный и тяжелый курсант в роте, лежавший впереди Тайхмана, нечаянно наступил ему на руку.

В лазарете ее смазали йодом и забинтовали, но не успел врач закончить с ним, как появился Бюлов, у которого на бедре была штыковая рана, нанесенная курсантом, лежавшим рядом с ним. Часом позже три человека принесли Хейне – он был без сознания. Утром, во время стрельб, он упал в обморок. Врачи с ухватками мясников, закалывающих свиней, вприсунули ему лошадиную дозу сыворотки.

– Вам, наверное, за это дают медали, – сказал Хейне.

В ответ он получил дополнительную порцию сыворотки. Из перевязочной его вынесли на носилках. Но, несмотря на то что правая часть его груди раздулась и стала похожей на грудь крестьянской девушки, его отправили обратно на занятия. Если верить парням, принесшим его, он неожиданно упал во время стрельбы. Доктор назначил ему двухчасовой отдых в постели. В то же утро в лазарет поступил еще один курсант – его звали Форхельцер, родом из Мюнхена, который во время занятий притворился, будто получил солнечный удар.

На обед был подан суп; он, как обычно, отдавал селитрой, хотя официально назывался ванильным супом. На второе была цветная капуста с картофелем и червяками, политая каким-то непонятным соусом. У Тайхмана оказался самый большой червяк – длиной семь с половиной сантиметров, что оказалось рекордом для роты. Тайхман решил попросить, чтобы ему дали другую порцию, но его даже не пустили на кухню. Сержант из столовой заявил, что после случая с Премайером курсантов не велено пускать на кухню. Тогда Тайхман собрал червяков у всех своих товарищей и, украсив цветную капусту дохлыми мухами, взял свою тарелку и отправился в канцелярию. У двери он поставил тарелку на пол, поскольку мог действовать только одной рукой, снял бескозырку и постучал.

– Да? – послышался голос.

– Матрос второго класса Тайхман просит разрешения войти.

– Входите.

Тайхман открыл дверь, взял тарелку и, поставив ее на пол в канцелярии, закрыл дверь, поднял тарелку и, шелкнув каблуками, произнес:

– Матрос второго класса Тайхман просит разрешения сделать заявление.

– В чем дело? – спросил старший сержант, напротив которого сидел старшина Земмлер; они пили кофе и курили.

– Прошу разрешения заявить, что мне не хватает выдаваемой порции.

– Что же ты тогда не ешь то, что у тебя в тарелке, черт тебя возьми?

– В цветной капусте черви, господин старшина.

– Так она еще и с мясом, а ты все недоволен, – заявил Земмлер. – А солдаты на фронте вообще почти не видят мяса.

– Прошу разрешения показать свою тарелку ротному командиру.

– Давай посмотрим, что там у него, – произнес старший сержант и принялся изучать содержимое тарелки. – Гляди-ка, прямо лох-несское чудовище какое-то, а не червяк, – сказал он Земмлеру, показывая ему самого длинного червяка.

Земмлер с восхищенным видом растянул его и сказал:

– А ведь он к тому же еще и живой. Это хорошо. Это означает, что он еще свежий. А в хорошем свежем червяке нет ничего плохого. У меня, например, при виде такого червяка только аппетит разыгрывается. В наше время, Тайхман, мы не устраивали скандалов из-за маленького червячка в тарелке.

– Но ведь он там не один, – возразил Тайхман.

– Мы это видим, – ответил старший сержант. – Оставь свою тарелку здесь, а сам иди в столовую и получи новую порцию. Я позвоню на кухню.

После обеда была устроена приборка, посвященная предстоящему принятию присяги. Ротный сам проследил за тем, чтобы все было сделано как надо. Тайхмана от тяжелых работ освободили. Когда рота выстроилась, ему велели отойти в сторону. Единственное, что ему доверили – это вытереть пыль.

– Когда закончите, зайдите ко мне в кабинет, – сказал ему ротный.

Тайхман ждал у дверей кабинета, пока оттуда не вышел старший сержант с расчетными книжками для всей роты, которые подписал командир. После этого Тайхману велели войти.

– У меня для вас особое задание. Вы – единственный человек в роте, которому позволено появляться в городе до принятия присяги. Вы будете сопровождать мою жену. У меня нет времени – я должен присутствовать на совещании ротных командиров. А моей жене надо сделать кое-какие покупки, после чего вы пойдете с ней в кино. Билеты в кассе заказаны. Но помните, что вы идете в город по делу, а не для развлечения.

Тайхман улыбнулся:

– Слушаюсь, господин капитан-лейтенант.

– Погодите радоваться, вы еще не знаете моей жены. А теперь наденьте форму, и пусть старший сержант подпишет вашу увольнительную записку, а то вас не выпустят за ворота. Вот ваша расчетная книжка. В три часа вы должны быть у дверей моего дома. Вопросы есть?

– Нет, господин капитан-лейтенант.

– Ничего себе порученьице, – сказал Штолленберг, помогая Тайхману одеваться.

– Все объясняется очень просто, – вступил в разговор Бюлов, – жена офицера не может выходить в город без сопровождающего.

– Но здесь же не восток, – возразил Штолленберг.

– Дело не в этом, – пояснил Бюлов. – Это такая традиция. А флот держится на традициях. Кроме того, в портах и военных гарнизонах это не лишено определенного смысла. Если женщина хороша собой, к ней все цепляются, а жена ротного, скажу я вам, весьма пикантная штучка.

– Ты должен называть ее фрау и идти слева, а также избегать нецензурных выражений. . .

– И не забудь рассказать ей, что с нас тут дерут три шкуры, так что пусть почаще отпускает своего обожаемого муженька на работу, иначе мы все загнемся. Эх, жаль, что послали не меня,

может, мне удалось бы объяснить ей, что тут с нами делают. Нет, конечно же выбрали самого юного в роте. И все потому, что ты выглядишь совершенно безобидным.

Без пяти три Тайхман стоял у двери дома командира роты. В полчетвертого он продолжал стоять. Вскоре по лестнице спустилась молодая девушка.

– Вы меня ждете?

– Нет, я жду фрау Вегенер.

– Так это я, – произнесла девушка и протянула ему руку. – Добрый день.

– Добрый день, сударыня, – заикаясь от смущения, произнес Тайхман – девушка была невероятно хороша.

– Тяжело вам пришлось, правда?

– Я уже давно никого не называл сударыней.

– Ах, вот в чем дело. Вы, наверное, приняли меня за ребенка. А я на следующий год уже стану совершеннолетней. Надо было дать мне знать, что ждете меня, я бы спустилась быстрее. – Она осмотрела его с головы до пят и сказала: – Пойдемте.

У ворот училища дежурный сержант с исключительной вежливостью поздоровался с фрау Вегенер, которая кивнула ему. После этого он принялся за Тайхмана. Фрау Вегенер стояла за воротами и ждала. Пока сержант внимательно изучал его пропуск и расчетную книжку, Тайхман разглядывал жену ротного. Она была стройной, изящной блондинкой, гораздо ниже его ростом. Ноги, пожалуй, несколько длинноваты, подумал он, но ей это идет. У нее была золотистая кожа, красивые, хрупкие с виду руки, от нее хорошо пахло, и вообще она...

– Пароль?

– Не знаю!

– Что? Называешь себя моряком, а сам даже пароля не знаешь?

– Мне никто не говорил, что я должен знать пароль.

– Надо было самому спросить. Сегодня пароль – «Переборка».

– Понял, господин сержант, – сказал Тайхман.

– Не забудешь до вечера?

– Никак нет, господин сержант.

– Повтори пароль.

– «Переборка», – произнес Тайхман и посмотрел на фрау Вегенер.

Она повернулась к нему спиной и играла с веточкой изгороди. Это были кусты шиповника с облетевшими цветками.

– Сними бескозырку.

Тайхман снял головной убор. Сержант проверил его стрижку.

– Надевай.

Тайхман водрузил бескозырку на голову.

– Покажи ногти.

Тайхман протянул ему свою забинтованную руку – ногтей не было видно.

– Другую руку.

Тайхман протянул другую.

– Мог бы и почистить.

– Как я могу почистить ногти с забинтованной рукой?

– Заткнись и не спорь со старшими, – велел ему сержант. – Когда идешь в город с дамой, твоя внешность должна быть безукоризненной, понял?

– Так точно, господин сержант.

Сержант принялся снова листать расчетную книжку. Фрау Вегенер повернулась к нему:

– Вы что, читать не умеете?

– Как мне понимать этот вопрос, фрау Вегенер?

– Так и понимайте. У вас, по-видимому, проблемы с чтением. Пока вы изучали эту книжку, я бы ее три раза прочитала.

– Я должен еще проверить внешний вид этого парня, фрау Вегенер.

– Я его уже проверила. Мы можем теперь идти?

– Да, можете, – ответил сержант и добавил: – Фрау Вегенер.

– Какой смешной этот сержант. Изображает из себя сыщика, который ловит сбежавшего заключенного.

– Да, фрау Вегенер, – кивнул Тайхман.

– Не надо называть меня фрау Вегенер. Я не обижусь, если вы будете звать меня просто по имени.

Тайхман рассвирепел. Сначала этот сержант со своим дурацким допросом, а теперь еще и эта кошечка! Вздумала над ним поиздеваться! Что бы такое сказать ей в ответ?

– Мой муж долго раздумывал, может ли он послать со мной матроса, ведь, согласно правилам, матрос не имеет права покинуть свой пост до принятия присяги. Потому что если вы скроетесь от меня, то вас не смогут привлечь к суду за дезертирство.

«Ага, – подумал Тайхман, – она ждет, чтобы я ее успокоил: «Нет, фрау Вегенер, я от вас не уйду». И еще она, наверное, ждет, чтобы я сказал, что ни один мужчина не смог бы от нее убежать».

И тут он услышал свой голос, произносящий:

– Служба есть служба.

– Я тоже так думаю. Можете взять у меня сумку. Так оно будет лучше смотреться.

И она отдала ему сумку, которая была пустой и весила не больше перышка; Тайхману казалось, что в руках у него ничего нет. Ручка сохранила еще тепло ее ладони; наверное, только на такое тепло она и способна, подумал он.

– Наверное, мне не надо идти наверх, меня сразу же узнают по забинтованной руке, – сказал он, надеясь, что она спросит, почему его рука забинтована. Но она даже не подумала спросить – его рана ее совсем не интересовала. «Мне-то какое до нее дело», – подумал он, начиная нервничать.

– Пожалуйста, не размахивайте сумкой – там лежит кошелек.

Он не нашелся что ответить; кровь прилила к лицу, как тогда, когда его осматривал сержант. Он взглянул на нее и увидел, что ее глаза смеются.

– Видите, я доверила вам все свое состояние, – сказала она.

Тайхман попытался придумать ответ, что-то вроде: «В вашем кошельке не может быть много денег – что-то он больно легкий». Но тогда она может ответить: «Банкнот в тысячу марок совсем ничего не весит», – и он опять окажется в дураках.

– Впрочем, вряд ли это можно назвать состоянием, должна вам признаться. С такими деньгами вы далеко не уйдете. Но я уверена, что вы и не захотите уйти. А теперь расскажите мне, что сказали ваши друзья, когда узнали, что вам придется сопровождать меня.

– Конечно же они мне позавидовали, – признался Тайхман.

– Когда вернетесь вечером домой, скажите им, что завидовать было нечему.

Она произнесла эти слова так, как будто это само собой разумелось. Но у Тайхмана сложилось ощущение, что она и сама в это не верит.

– Пойдемте немного быстрее, а то опоздаем к началу. Я хочу посмотреть выпуск новостей. Или вы устали? У вас же сегодня утром были стрельбы, правда?

– Да, фрау Вегенер. Но я не устал. От стрельбы не устаешь.

Она принялась задавать ему вопросы, и он неожиданно для себя заговорил о том, как их кормят. О селитре он не упоминал, зато рассказал о червях в капусте. Еда, конечно, неплохая, но какая-то безвкусная; на обед дают много, но времени на еду выделяют мало, а после тренировки ужасно хочется есть.

Фрау Вегенер ужаснулась, услышав о червяках, и обещала сообщить об этом мужу. Тайхман сказал, что делать этого не стоит – он не хочет, чтобы она думала, будто он завел с ней этот разговор только для того, чтобы она передала его мужу.

– Я знаю. Но должна же быть какая-нибудь польза от нашей прогулки для вас и ваших друзей.

У кинотеатра она дала ему деньги, чтобы он выкупил билеты, пока она займется покупками. Но когда он подошел к кассе, какой-то офицер велел ему встать в очередь. Тайхман хотел было сказать ему, что билеты заказаны его ротным командиром и ему надо только заплатить за них, но какое-то странное чувство заставило его подумать, что если у него не будет билетов, когда вернется фрау Вегенер, то ей самой придется их выкупать, и эта мысль почему-то доставила ему радость.

Когда фрау Вегенер вернулась, он все еще стоял в очереди. Она подошла к кассе и забрала билеты. Их места оказались в ложе. Служитель не хотел пускать туда Тайхмана – в кинотеатре было всего две ложи, и они предназначались только для офицеров. Тогда фрау Вегенер послала за управляющим. Когда она разговаривала с ним, Тайхман увидел, что глаза у нее зеленые, как у кошки.

Они заняли свои места, и она вручила ему пакетик с маленькими булочками с изюмом.

– Только ешьте тихо.

Они сидели в левом углу левой ложи. Тайхман делал вид, что смотрит на экран, а сам украдкой разглядывал ее профиль. Фильм был смешной, и зрители смеялись. Фрау Вегенер тоже смеялась, а когда кидала взгляд на Тайхмана, он делал вид, что смотрит на экран, и тоже смеялся вместе со всеми, но, когда она поворачивала лицо к экрану, снова начинал разглядывать ее.

Наконец, фильм закончился.

– Хорошая картина, – сказала фрау Вегенер, – но неужели она вас так увлекла, что вы позабыли о булочках?

– А можно я возьму их с собой в казарму? – спросил Тайхман.

– Хотите угостить товарищей?

– Да, – ответил Тайхман, радуясь, что она на него не смотрит.

По пути домой они обменялись лишь несколькими фразами. Матросы, мимо которых они проходили, наверняка удивлялись, как это ему удалось подцепить такую кралю, а сержанты ломали голову, почему это дама гуляет с нижним чином.

Часовой у ворот без слов пропустил Тайхмана и обратил внимание только на фрау Вегенер. Они прошли уже метров сорок, когда он, наконец, сообразил крикнуть:

– Пароль?

– Ради бога, крикните «Переборка», – подсказала фрау Вегенер.

Тайхман обернулся и крикнул:

– Переборка!

Он пошел было вперед, но вдруг заметил, что его спутница застыла на месте. Ее глаза загорелись и позеленели.

– Что случилось, фрау Вегенер?

– Ничего. Я кое-что вспомнила. А ну-ка, крикните, пожалуйста: «Катались бы вы лучше в своей ванне, придурки!»

До Тайхмана не сразу дошло. Но, осознав, что деваться некуда, он сказал:

– Вы же не жена командира порта!

– Да, но жена командира порта – моя хорошая подруга, и я была вместе с ней в лодке, когда вы нас обругали.

Он начал объяснять, что их ял должен был уступить ему дорогу. В качестве доказательства сослался на правила дорожного движения. Она выслушала его лекцию, не перебивая, а когда его аргументы истощились, спросила:

– Вы все сказали?

И тут только до Тайхмана дошло, что надо было сделать. Эта мысль уже мелькала в его мозгу, но он не хотел ее замечать.

– Сожалею, что нагрубил вам, и прошу прощения, фрау Вегенер.

– С этого и надо было начинать. Тогда бы вы могли обойтись и без лекции. Мне было бы очень неприятно осознавать, что вы знаете только правила дорожного движения и совсем незнакомы с правилами вежливости. Но забудем об этом. Честно говоря, я совсем не обиделась и не стала бы просить у вас письменного извинения.

– Знали бы вы, как трудно оно мне далось!

– Я вижу, вам с трудом даются самые разные вещи. Кстати говоря, ваше так называемое покаянное письмо было просто оскорбительным. Надеюсь, вы это понимаете?

– Да, понимаю.

– Моя подруга мне его показала. Скажу вам правду. Она собиралась прочитать это письмо своему мужу, но мне удалось убедить ее не делать этого. А то бы вам досталось. Только не делайте из этого далекоидущих выводов – я вас совсем не знаю.

– Все равно, спасибо вам.

– Забудьте об этом. Впрочем, благодаря этому письму я знаю, как вас зовут, господин Тайхман. У меня отличная память на имена. Вам надо было представиться с самого начала. Тогда я знала бы, с кем имею дело.

– Прошу прощения.

– Не стоит. Должна заметить, что после той истории вы изменились к лучшему. Я бы в жизни не догадалась, что вы способны оскорбить женщину. Но может быть, я ошибаюсь?

– Не думаю.

– А что вам еще остается?

Они рассмеялись.

Фрау Вегенер протянула ему руку:

– До свидания, господин Тайхман. Если я захочу научиться ходить под парусом, то приглашу в учителя только вас.

– Отлично и тысяча благодарностей.

– За что? За исключением кино, других удовольствий вы не получили.

Тайхман отошел уже на несколько шагов, когда она окликнула его:

– Эй, вы забыли свои булочки.

Он вернулся и забрал из ее сумки булочки.

– Вы забыли самое важное, – сказала фрау Вегенер.

Тайхман хотел ответить, что самое важное не это, но промолчал. Вместо этого предложил:

– Давайте я отнесу вашу сумку наверх.

– Благодарю вас, не надо. Вон идет мой муж.

– Ну как, все прошло благополучно? – спросил ротный.

– Да, господин капитан-лейтенант, – ответил Тайхман.

Ротный поцеловал жене руку и взял у нее сумку. Они стали рядышком подниматься по лестнице, потом Тайхман увидел, как на втором этаже закрылось окно.

Ночью он съел все булочки. Он съел их сам – медленно и тихо, чтобы никто не услышал; так прошла ночь.

Хейне провел шесть дней в лазарете. Одного было вполне достаточно; остальные пять он просто притворялся больным. Утром у него была температура 37,7, а вечером – 38,3. Он натирал термометр шерстяным носком, пока не получал нужную температуру, а когда к нему заходил доктор, кашлял ему прямо в лицо. На седьмой день утром он доложил о своем выздоровлении в канцелярию роты. Здоровье его настолько поправилось, что в тот же самый день он ухитрился одним из первых получить увольнительную в город, а в воскресенье участвовал в финальном матче батальонного чемпионата по гандболу.

Хейне собирался отправиться в Штральзунд вместе с Тайхманом и Штолленбергом. В два часа дня первая группа уходящих в увольнение подверглась проверке, но пройти ее сумел только Хейне. Тайхмана, Штолленберга, Бюлова и Шумермахера отправили переодеваться. Последние трое нацепили галстук-бабочку; галстук Тайхмана тоже не понравился сержанту. Хейне же заранее заказал себе галстук на резинке. Его не надо было многократно складывать, чтобы завязать узлом, достаточно было только застегнуть сзади резинку – и готово. У этого галстука был только один недостаток – если сержант случайно заметит, что он на резинке, то три дня гауптвахты обеспечено.

Хейне решил подождать друзей и отправиться в город после второй проверки. Он пришел в комнату Тайхмана, где они уселись, положив ноги на стол и закурив, и принялись обсуждать, удастся ли им выиграть завтрашний гандбольный матч. Потом Хейне попросил их рассказать о том, как прошла церемония принятия присяги.

– Ты ничего не потерял, – сказал Тайхман, – по крайней мере, утром. Но нам тебя очень не хватало днем, когда мы одни играли против четверых.

– Но ведь вы выиграли.

– Ну да, еле-еле – со счетом десять – восемь, – заявил Шумермахер.

– Тайхман же с Бюловым не играли.

– Ничего, завтра выиграем. Церемония принятия присяги была так себе, – заметил Тайхман. – В восемь нас повели в церковь: протестантов – в свою, католиков – в свою. Но тем, кто не хотел, можно было и не ходить.

– Держу пари, если мы станем играть так же плохо, как в прошлый раз, то победы нам не видать, – вздохнул Шумермахер.

– Католик вел командир первой роты, протестантов – наш ротный. Мы все пошли в церковь, даже ребята из Наполаса¹. Дома остался только парень из Вены – он воспитывался в иезуитском колледже и заявил, что в Бога не верит...

– Снимаю перед ним шляпу, – перебил его Хейне.

– Зато, пока мы были в церкви, ему пришлось подметать асфальт вокруг казарм и носить на учебный плац горшки с лавровыми деревьями и другими растениями, украшая его к церемонии.

– А ведь он хороший вратарь, – сказал Шумермахер.

– Мы дошли строевым шагом до церкви Николая – довольно красивой с виду – и сначала слушали орган.

– Органная музыка всегда прекрасна, – заметил Бюлов, – что бы на нем ни играли.

– Пастор устроил настоящее представление, – продолжал Тайхман. – Он поджимал губы и делал размашистые жесты, впрочем, с моей точки зрения, он говорил слишком громко. От этого я не стал более набожным.

– Не мог же он шептать, – возразил Штолленберг, – церковь ведь большая.

– Тоже мне Эмиль Великодушный нашелся. Вечно он всех защищает, – сказал Хейне.

– Я никого не защищаю. Я говорю, как было, – возразил Штолленберг, слегка покраснев.

– Давайте лучше обсудим нашу завтрашнюю игру, – предложил Шумермахер.

¹ Наполас – национальная политическая ассоциация.

– Пастор рассказал нам историю одного молодого человека, которого назначили знаменосцем, и он написал об этом матери. Впрочем, он написал ей целых три письма, и в каждом просил любить его. Только мы так и не поняли, за что она должна его любить – за то, что он знаменосец, или за то, что он ее сын.

– Такой рассказ есть у Рильке, – заявил Штолленберг.

– Ты всегда все знаешь, – подколот Хейне.

– А я и не знал, что Рильке был таким хорошим солдатом, – произнес Тайхман.

– Да не был он никаким солдатом, просто писал хорошие стихи, – возразил Хейне.

– Как бы то ни было, рассказ пастора оказался совершенно не к месту, ведь на флоте нет знаменосцев, – произнес Шумермахер. – А теперь давайте, наконец, поговорим о гандболе.

– После этого, – продолжил рассказ Тайхман, – снова зазвучал орган, а потом пастор стал молиться, и мы совершенно растерялись, не зная, надо ли вставать или можно слушать сидя.

– Представляю, какое это было зрелище для богов, – усмехнулся Хейне.

– Боюсь, что мы все-таки проиграем.

– В гитлерюгенде нам не говорили, когда надо вставать, а когда не надо, – сказал Тайхман.

– Мы завтра точно проиграем, если не выложимся до конца.

– И тогда ротный подал нам знак встать.

– И мы встали.

– Потом заиграли гимн, но мы не пели, поскольку никто не знал слов, и он быстро закончился. Церемония в Денхольме оказалась простой формальностью. Все роты выстроились на плацу, в центре которого стояла трибуна, с обеих сторон украшенная зеленью. На эту трибуну поднялся наш ротный и произнес речь в старомодном стиле; от каждой роты выделили по одному человеку, чтобы они держали флаг. После этого мы произнесли слова присяги, стоя по стойке «смирно», что было хуже всего. В конце церемонии заиграл оркестр – это был самый запоминающийся момент.

– Всегда приятно послушать марш, – сказал Хейне.

– И органную музыку, – добавил Бюлов.

Шумермахер снова завел речь о предстоящем матче, но тут раздался свист сержанта – начиналась вторая проверка.

Тайхмана, Штолленберга, Бюлова и Шумермахера снова завернули.

В три часа повторилась та же история. В добавление ко всему дежурный сержант нашел, что на бескозырке Тайхмана плохо натянута ленточка.

– Я больше не пойду, – сказал Тайхман.

Через полчаса Штолленберг, Бюлов и Шумермахер благополучно прошли проверку. Когда им выдали пропуска, дежурный сержант сообщил, что ротный просил прислать ему несколько матросов для управления яхтой. Тайхман, Штолленберг и Бюлов вызвались помочь ротному, но дежурный забраковал Тайхмана:

– Ты не подходишь. Ты ведь даже нормально одеться не можешь – куда уж тебе на яхту!

Он велел двум другим надеть плавки и спасательные пояса и идти в док. Тайхман решил посмотреть, как они будут ходить под парусом, и отправился с ними.

В доке уже работало девять человек, которые, мешая друг другу, готовили яхту к выходу в море.

Один старый моряк, постоянно работавший в доке, показал, как надо привязывать парус, другие не согласились с ним и бросили работу, предоставив ему делать все самому.

Вскоре появились два офицера и две дамы.

– Кто из них жена нашего ротного? – спросил Штолленберг.

– Та, что стоит справа.

– Худая, как палка, – заметил Бюлов.

– Ганс, ради бога, испарись – вот этот хмырь с четырьмя нашивками – командир порта, а рядом с ним, надо думать, его жена.

– Ну вот еще!

Но ему не пришлось прятаться от них – дамы даже не посмотрели в его сторону.

Штолленберг, Бюлов и Шумермахер поднялись на борт. Яхту взял на буксир моторный катер. Тайхман сидел на конце мола и наблюдал, как на яхте подняли паруса, и она взяла курс на Хиддензее.

В десять часов они вернулись в казарму и рассказали, как прошел день. Хейне жалел, что отправился в город, а Тайхман притворился, будто спит.

В воскресенье днем командир училища с женой и детьми, а также командиры рот с женами присутствовали на гандбольном матче между командами первой и второй рот. Это была грубая игра; присутствие дам не помешало игрокам проявить свои животные инстинкты. Судья не обращал внимания на грубые приемы – свистел он редко и по большей части совсем не тогда, когда было нужно. Игра больше напоминала драку – игроки выбивали друг другу зубы и ломали ребра, а зрители бешено аплодировали.

Вторая рота выиграла со счетом 16–10. В награду капитан-лейтенант Вегенер пригласил всю команду – за исключением Шумермахера, которого удалили с поля за неспортивное поведение, – на пикник по случаю дня рождения его жены, который должен был состояться через три недели в Хиддензее.

Глава 3

Я очень хочу выпить с тобой, Тайхман, ха-ха, это ложь, наглая ложь, но звучит хорошо. Ваше здоровье. «Приложись к бутылке, Ганс», – сказал старпом. Может, он и свинья, впрочем, тут и сомневаться нечего, но что мешает свинье иногда высказывать дельные мысли? Ты тоже свинья, Тайхман, не возражай, но самая большая свинья лежит сейчас в дамской палатке на острове Хиддензее. Да, ты лежишь там, а у меня здесь твой свитер и туфли. Да, они со мной, я могу их потрогать, могу выбросить, потом снова принести сюда, потом опять выбросить и опять принести – вот в чем загвоздка; я должен принести их – сами они ко мне не придут; никто никогда не приходил ко мне по собственной воле. Тебе ведь очень тоскливо в палатке; быть может, ты даже считаешь часы и думаешь: «Я не могу заполучить его даже в свой собственный день рождения, как это глупо. И все потому, что муж обещал этим парням пригласить их на мой день рождения в Хиддензее, причем мы начнем отмечать его в полдень в субботу и закончим в воскресенье вечером, устроим пикник, разобьем палатки – сделаем все, что полагается». Да, именно об этом ты и думаешь, и ни о чем другом. А может быть, твоя соседка, подруга с мальчишеской фигурой, рассказывает тебе, как скучно все время спать с одним и тем же мужчиной. «Я верна ему», – говоришь ты. «До поры до времени», – отвечает подруга. «Мне это не трудно», – говоришь ты. «Потому что у тебя не было других мужчин», – возражает она. «Он делает все так, как мне хочется», – говоришь ты. – Я совершенно удовлетворена». – «Расскажи мне об этом», – просит подруга. «Нет-нет, я очень устала», – отвечаешь ты. «Ты лжешь, но что еще ты можешь сказать? Тебе надо попробовать с другими мужчинами», – советует подруга. «Их много», – говоришь ты, – но ни один меня не интересуется». А подруга спрашивает: «Неужели? Послушай, дорогая, меня они тоже мало интересуют, понимаешь, что я хочу сказать?» И тогда ты говоришь: «Помнишь того мальчишку, который потерял из-за меня голову, но я его так пнула, что он растянулся на земле». Это правда. Это был хороший пинок, быть может, мишень и не заслуживала такого хорошего пинка. Но этим дело не закончилось. Увидев, что твой удар попал в цель и парень свалился на землю, ты еще наступила на него ногой. Но подруге ты об этом не говоришь. Ты попраля его своей туфелькой, да, Тайхман, а ведь ты уже имел дело с женскими туфлями. Чем все это закончилось? Не помню. Но зато хорошо помню, с чего началось. Пей, Тайхман, пей. Ты еще не напился вдрызг, ты выпил слишком мало, а память у тебя хорошая. Потребуется время, чтобы все забыть. Жаль, что нельзя завернуть кран своей памяти, как заворачивают кран с водой. Он все капает и капает, как бы сильно ты его ни крутил; быть может, он будет теперь капать постоянно, до конца твоей жизни. Так что пей и топи свою память в вине. Топи ее, свою прекрасную память. Все началось из-за моей руки. Из-за нее меня и отправили в город сопровождать тебя и отвести в кино. Ты ведь знаешь об этом, правда? Да и во второй раз я ходил с тобой не по своей воле. Ротный разрешил нам по воскресеньям, когда мы ходим в увольнение, носить бескозырки с ленточками. А у меня ее не было; да я и в город-то не попал – не пропустили на проходной. В воскресенье утром все нацепили свои бескозырки с длинными лентами и ушли, а в понедельник, в час ночи, неожиданно нагрянул старший сержант и стал проверять наши рундуки. На всех бескозырках, кроме моей, оказались длинные ленты, хотя понедельник-то наступил всего час назад. Но сержант заявил, что это непорядок, и в наказание устроил утром дополнительное занятие по строевой подготовке. Меня от него освободили. И тогда ротный велел мне отвезти белье в прачечную. Я рассказал тебе об этом, толкая перед собой тележку с бельем. Ты шла по правую руку от меня. Ты дразнила меня тем, что без тебя меня всегда задерживают на проходной, а с тобой пропустили без лишних слов. И теперь вас не будут пускать в город одного, сказала ты и рассмеялась. В прачечной тебе сказали, что стирка займет три часа – гораздо больше, чем обычно. И ты ответила, что ничего, подождешь. Потом ты вложила мне в руку талоны на пирожные и назвала

кафе, в котором я должен ждать тебя. Среди талонов оказалась сложенная бумажка в двадцать марок. Не знаю, дала ли ты мне ее специально, или она оказалась среди них случайно. Потом я подумал, что, наверное, ты сделала это намеренно, и это подтвердили твои слова: «Закажите себе кофе и пирожное или что вы там еще захотите». Но ты увидела мое лицо – ведь я никудышный актер – и добавила: «И закажите что-нибудь сладкое для меня, ну, может, кусочек торта с пьяной вишней, если он у них еще продается. Я иду в парикмахерскую и буду в кафе через полчаса». И прежде чем я успел что-то сказать, ты ушла. Я оставил тележку в прачечной и отправился в кафе. Я заказал бутылку минералки и заплатил за нее из своих денег. Когда ты минут через пятьдесят пришла из парикмахерской, ты была очень красивой и разозлилась, увидев, что на моем столе нет ничего, кроме минералки. Ты положила мне на тарелку кусочек торта, и те же самые люди, которые, когда я вошел в кафе, смерили меня презрительным взглядом, желая дать мне понять, что нижним чинам здесь делать нечего, чуть не свернули себе шеи и, вылупив глаза, глядели на нас. Мы очень мило провели время. По крайней мере, мне так показалось. Как хорошо было сидеть рядом с тобой и слушать твой чувственный голос, в котором иногда проскальзывали ироничные нотки. У твоих духов был пряный, дурманящий аромат, а твои губы и руки и... Ты еще совсем ребенок, Тайхман, вот и все, ха-ха-ха. Но когда ты напиваешься, ты быстро взрослеешь. За твое здоровье, ребенок! Ты рассказала мне о своем детстве, школьных годах и о том, как ты написала шпаргалку с алгебраическими формулами, а когда учитель застукал тебя, засунула ее под кофточку и застегнула «молнию». Когда учитель посетовал, что он не женщина и не может вытащить у тебя эту шпаргалку, ты ответила: «Я уверена, что, если ли бы вы были женщиной, у вас никогда не возникло бы желания расстегнуть «молнию» на моей кофточке. Весь класс рассмеялся, а учитель вспыхнул и заявил, что он порядочный человек. И ты сказала, что на это и рассчитывала. Так, по крайней мере, ты мне рассказала. У меня хорошая память, даже после четвертой бутылки. Потом мы говорили о музыке – единственном виде искусства, в котором я разбираюсь. Ты это очень быстро поняла и о литературе и живописи больше не заикалась. Ты не хотела, чтобы я блефовал и предстал перед тобой дурак дураком. Ты, оказывается, умеешь быть тактичной. Наш разговор стал более интимным. Для тебя это, наверное, было вполне естественным. А для меня – нет. Я не привык к таким разговорам. Я не умею разговаривать с женщинами на такие темы. К тому времени ты была для меня не девочкой, а женщиной. А когда пришло время забирать белье из прачечной, ты спросила, не проголодался ли я и не хочу ли взять для своих друзей булочек с изюмом. Тогда я рассказал тебе правду. Я не хотел снова врать тебе, наверное, потому, что ты была красива, а красота вызывает у меня что-то вроде благоговения – я перед ней преклоняюсь. А может, и потому, что ты была ко мне добра и разговаривала со мной, семнадцатилетним парнем, как с равным, хотя я был простым матросом. А может быть, ты со всеми молодыми людьми так обращаешься. Впрочем, не обманывай себя, Тайхман, не лги себе. Все эти объяснения – чистая ложь. Ты решил признаться ей, поскольку у тебя мелькнула искра надежды. И это было хуже всего – пей, Тайхман, пей и топи эти воспоминания. Я сказал тебе, что меня совсем не интересовало кино, и я не съел ни одной булочки совсем не потому, что хотел отнести их своим друзьям – просто все время смотрел на тебя, а не на экран. Это была правда. Но, признавшись тебе, я сразу же понял, что не надо было этого делать, а ты, наверное, тут же увидела, что я это понял. Но ты просто подняла брови, эти твои прекрасные дуги над глазами, черт бы их побрал, и равнодушным тоном, с небрежностью, которая совершенно парализовала меня, – мои слова, наверное, отскакивали от тебя, как камешки от стены, – сказала, что пора идти. И официантке: «Господин хочет расплатиться». Я заплатил по счету. Мои глаза, наверное, сказали тебе больше, чем слова. Но эта мысль пришла мне в голову на обратном пути, когда было уже слишком поздно. Я катил тележку, ты шла по левому тротуару, между нами сновали машины и люди. Ты шла очень быстро. Когда я останавливался на переходах, мне приходилось потом ускорять шаг, чтобы догнать тебя. Потом я намеренно отстал, но ты ни разу

не обернулась. Из таверны вывалились несколько пьянчуг и уставились на тебя. Они просто стояли и глазели. Много бы я дал, чтобы кто-нибудь из них заговорил с тобой или попытался облапить. Уж я бы ему показал. Я бы избил его до полусмерти, если бы ты захотела. Тогда бы тебе пришлось сказать мне спасибо. Но никто из забулдыг даже пальцем тебя не тронул; как и я, они глядели тебе вслед, только я был трезв, а они пьяны. В Денхольме ты пошла к дому по тропинке – так было короче. Мне же пришлось тащиться по дороге. Чтобы догнать тебя, я побежал, делая вид, что мне просто интересно пробежаться с тележкой. Мы миновали учебный плац. Чтобы не смотреть на меня, ты поглядела направо и, завернув за угол, обмерла от страха – перед тобой стоял солдат и кричал на весь плац: «Я не ухаживаю за твоей невестой – я забыл ее почистить». Это был мой друг Форхельцер. Он давал сольный концерт. Он маршировал строевым шагом по плацу с винтовкой на плече. За ним шел сержант; через каждые десять шагов Форхельцер останавливался и выкрикивал фразу о невесте. Он произносил слова громко и четко – за этим следил сержант. Когда Форхельцер приближался к казарме, матросы отходили от окон, чтобы он их не видел; смеяться им не хотелось. Ты же сделала вид, что тебе очень смешно. И тогда я впервые убедился, что ты действительно можешь нам чем-то помочь. На следующий день ротный вызвал сержанта в канцелярию и орал на него так, что было слышно в холле, и все знали, кого сержант должен за это благодарить. Ты вошла в дом и попросила швейцара занести белье. Я оставил тележку и отдал ему сдачу с двадцати марок, добавил столько же своих денег, сколько потратил твоих, только вот талоны на пирожное мне было нечем восполнить. На этом наше знакомство закончилось, подумал я. Но я ошибался.

Еще дважды ротный посылал меня отбуксировать лодку, на которой ты и твоя подруга ходили в Хиддензее, поскольку ветер в это время был слишком силен для неопытных моряков. Из этого я заключил, что ты не пожаловалась на меня, и надеялся, что твоя реакция на мое неуклюжее... нет, непрошеное – признаемса себе в этом – признание была простым капризом. Дважды я поднимал парус и буксировал твою лодку в устье гавани. И оба раза ты посылала меня назад. «Но вы можете подождать», – говорила ты оба раза. Я ждал у конца мола, когда вы вернетесь, а затем брал вас на буксир и доставлял в порт. И не моя вина в том, что мне пришлось сопровождать тебя и в третий раз, поскольку твой муж пришел в док попрощаться с тобой. Твоя подруга собиралась провести несколько дней в Хиддензее и думала, что ты составишь ей компанию. По дороге я не проронил ни звука. Твоя подруга, жена командира порта, у которой были все основания не разговаривать со мной, несколько раз пыталась втянуть меня в разговор, но ты самым бесхитростным образом пресекала эти попытки. Ты должна признать, что я вел себя как подобает. На Хиддензее ты попросила подождать тебя. Я удивился, поскольку думал, что ты собираешься остаться на острове со своей подругой. Через четыре часа ты вернулась, села в лодку и велела мне отчаливать. Впервые после нашего разговора в кафе мы оказались одни. Я хотел попросить тебя забыть то, что я сделал, но, когда я произнес: «Фрау Вегенер», ты перебила меня и спросила, хочу ли я сообщить ей что-нибудь касающееся управления лодкой. Я ответил: нет. «Тогда молчите, – велела ты. – Вам приказано отвезти меня на Хиддензее и назад. Развлекать меня приказа не было». Именно так ты и сказала. И все мои надежды рухнули. Ветер крепчал, и наша лодка рывком перешла с правого галса на левый. Ты потеряла равновесие и чуть было – впрочем, я не уверен в этом – не свалилась за борт. В любом случае мне надо удержать тебя. Я не собирался дотрагиваться до твоей груди. «Если вы дотронетесь до меня еще раз, я доложу о вашем поведении ротному командиру». Услышав это, я еле сдержался, чтобы не выкинуть тебя за борт. Ты почувствовала это, и мне показалось, что впервые меня испугалась. И в то же самое время я понял, что ты мне никогда не простишь своего испуга. Мы больше никогда не встретились бы, если бы ротный не велел мне снова отвезти белье в город; в конце концов, я знал, где находится прачечная. Увидев меня у двери, ты не удивилась. До этого ты вела свою игру безупречно, и вот случился первый прокол. Я понял, что ты сама попросила ротного послать меня. Я увидел твою спальню, хуже того, я увидел твою ванную.

Ты велела мне засунуть белье, твое грязное белье, в сумку. У тебя под платьем сползла с плеча бретелька, и ты засунула туда руку и подняла ее. Раньше ты отвернулась бы, – ты умеешь быть очень тактичной. Когда в первый наш совместный поход в город сержант осматривал меня, ты отвернулась. И даже более того. Теперь же ты, забыв всякий стыд, дразнила меня. Но это было еще не все. Пока я в ванной запихивал белье в сумку, ты ушла в спальню и вернулась, завернувшись в простыню, и бросила мне белье, которое ты только что с себя сняла. Потом ты вышла из ванной, чтобы дать мне время... В том, что случилось потом, не было ничего нового, ровным счетом ничего – просто еще одна вариация на старую тему. Теперь все кончено, и я чувствую себя круглым дураком, потому что поддался тебе. Может быть, во всем виноват мой возраст – сначала я выпью, если ты не возражаешь, иначе я так никогда и не доберусь до конца. Проклятье, почему я все время думаю об этом, ищу оправдания себе и ей, этой чертовой сучке, которая выглядит совсем невинной девушкой. Может, мне станет лучше, когда я допью эту бутылку. Наверняка станет. Мало-помалу я научусь тебя ненавидеть. К черту свитер и туфли. К черту всю эту историю. Надо выбросить ее из головы. Раз и навсегда. И никогда больше я не клюну на твое кокетство. Как бы ты ни старалась. Даже если ты будешь завлекать меня, как накануне своего дня рождения, когда ты неожиданно снова стала со мной ласковой. Из-за этой ласки я подумал, что ты перестанешь наказывать меня и забудешь, что произошло между нами. Может, ты сменила гнев на милость из-за того, что я никому не разболтал о твоём бесстыдном поведении. Разве я мог знать, что это очередное притворство? Я-то принял все за чистую монету. А не то я сказался бы больным, чтобы не ездить на этот пикник на Хиддензее. Утром мы вместе с ротным отправились туда на моторном баркасе. Мы нашли места для палаток и разбили их там, где трава была густой и шелковистой. Твою палатку мы поставили на опушке соснового леса. Капитан сказал мне, что под шелест ветвей дамы будут крепче спать; что ты думаешь об этом? «А может быть, они побоятся спать здесь», – предположил я. «Только не моя, – ответил он, – да и другая тоже жена моряка». – «И все равно, господин капитан-лейтенант, – сказал я, – шелест ветвей не заставит их крепче спать». – «Почему вы так думаете?» – «Ну, если дамы пугливы, значит, им чужда романтика». – «Наверное, вы правы. Я что-то не замечал романтических чувств у своей жены. Я бы даже сказал, что подобные вещи ей совершенно чужды. А вы, я вижу, разбираетесь в женской психологии. Теперь я понимаю, почему моя жена всегда просит, чтобы на яхте с ней ходили именно вы, ха-ха-ха». А потом мы вернулись в Денхолм. Ротный велел мне привязать парус и опробовать яхту, чтобы позже все прошло без сучка без задоринки. В три часа дня я вернулся из пробного плавания. Отъезд был назначен на четыре. Поднявшись на борт, ты поздоровалась со всеми членами команды и каждому пожала руку. Я тем временем возился с главным фалом. Я тоже могу быть тактичным! Ты подошла ко мне, протянула руку и спросила: «Вы меня не заметили, да?» Ты спросила это так ласково, что слова прозвучали как дружеская шутка. Незадолго до отплытия ты сказала мужу: «На улице теплее, чем я думала, оставлю-ка я свитер и туфли дома и надену лучше брюки, на природе в них удобнее». И ты спустилась вниз. Потом появилась со свитером и туфлями под мышкой. «Пусть вот этот большой парень отнесет их на берег. Он быстро бегает, даже с тележкой, не правда ли, господин Тайхман?» Твой муж сказал: «Хорошо, отнесите эти вещи в эллинг, да побыстрее». Когда я уходил, ты подошла ко мне поближе и с самой обольстительной из своих улыбок сказала: «Отнесите их лучше домой, зачем им лежать на виду у ваших товарищей, заходящих в эллинг? И не торопитесь, мы подождем». Эллинг располагался метрах в ста от причала, а твой дом – в семистах. Чем дальше я бежал, тем яснее мне становилось, что ты вновь меня одурачила. Я побежал медленнее. Потом перешел на шаг. Дойдя до казармы первой роты, я поднялся на третий этаж, из окна которого была хорошо видна гавань. Яхта ушла уже далеко от берега. Вы, должно быть, снялись в большой спешке. Твой муж, верно, и не заметил, что одного члена команды не хватает. Если ты ему не сказала об этом, он и не узнал. Когда я убежал, он был внизу. Вот и вся история. Если вдуматься, все это ерунда, сущая

ерунда. Но она ранит, и очень сильно. На мгновение мне показалось, что я не вынесу этого. Но ты можешь вынести все, даже это, а ведь ты мягкотелый сентиментальный дурак и, только когда выпьешь, становишься болтливым, как старая прачка. Иди и повесься. Но нет, сучка, я не повешусь, не надейся. Ты все очень четко рассчитала. Но я понял намек. В семнадцать лет человек еще плохо умеет просчитывать свои шаги. Но я собираюсь подвести черту под своими расчетами, да, в семнадцать лет я уже могу это сделать. Но сначала я выпью. Здесь. А теперь вот что я тебе скажу – я тебя ненавижу. В семнадцать человек уже умеет ненавидеть. Я не пьян. Не приходи потом и не говори, что я был пьян. Мне семнадцать, а тебе сегодня исполнился двадцать один год. Когда тебе будет двадцать, мне исполнится двадцать четыре. Нет, наоборот, когда мне будет двадцать, тебе будет уже двадцать четыре. А когда мне будет двадцать четыре, тебе будет двадцать восемь. Запомни это. А когда мне будет двадцать восемь, тебе исполнится тридцать два, и ты станешь потасканной старой каргой. Я буду внимательно следить за тобой; я ведь знаю, как ты живешь. Никогда не включай свет по ночам, даже ненадолго, если живешь напротив казармы, забитой молодыми солдатами. Сначала закрой окно. Ах, ты не хочешь терять на это время. Очень мило с твоей стороны. Ты так легко относишься к жизни, черт бы тебя побрал, и ведешь себя так, будто сам Бог благословил твой брак. И все у тебя получается. Ты не хочешь детей, и их у тебя нет. Ты можешь даже порой протянуть человеку руку помощи. Но ты так здорова и безнравственна, что это не имеет никакого значения. Я видел твою ванную. И даже это не умалило твоей красоты. Да, ты красива. Но и только. Кроме красоты, у тебя ничего нет, ничего. Но хватит, Тайхман. Беда в том, что у тебя никогда не было девушки. И ты, сука, это сразу же поняла, разве не так? Но ты все равно не можешь выпить столько, сколько я. Ты и половины этого не выпьешь. Так что не думай, будто я пьян. Я хорошо знаю, что делаю. Сейчас я возьму твой свитер, расстелю его перед дверью твоего дома и засуну в него туфли, как раз туда, где должна быть твоя грудь, и я хочу, чтобы мимо твоей двери прошло завтра как можно больше мужчин и чтобы ты нашла завтра вечером свой свитер и туфли точно в таком виде, в каком я их оставляю. Я раскладываю его очень тщательно, чтобы ты не думала, что был пьян, и чтобы до тебя дошло, зачем я это сделал. А теперь я иду спать, и поверь мне, я буду спать как убитый.

Глава 4

Они возвращались тем же путем, что и прибыли. Половину второй роты распределили на минные тральщики. Весь первый взвод попал в 52-ю флотилию тральщиков под командованием капитан-лейтенанта Вегенера, порт приписки – Гамбург.

Тайхман, Штолленберг, Хейне, Бюлов, Форхельцер и Фёгеле ехали в третьем классе. Фёгеле, шваб по национальности, был из третьего взвода их роты.

Друзья молчали. Они дремали, переваривая алкоголь, выпитый на прощальной пирушке. Когда в купе набилось много народу, они забросили маленького Фёгеле на багажную полку. Но смена атмосферы не пошла ему на пользу – через секунду он начал блевать, предварительно крикнув:

– Берегись!

– Свинья... – заорал Бюлов, почувствовав, как блевотина струится у него по спине.

– Я же сказал, берегись, – пробормотал Фёгеле. – Я не мог больше сдерживаться.

– Не умеешь пить, так не пей, не прикасайся к бутылке, – сказал Бюлов.

– Пить я умею. Я только умею блевать так же хорошо, как ты, – возразил Фёгеле.

– Заткни пасть, ты, поляк недобитый! – закричал Бюлов.

– Я заткну свою пасть, когда захочу, и никакой я не поляк, я из Бёблина. И вообще поцелуй меня в...

Тут Фёгеле полетел вниз со своей полки и приземлился в коридоре на кучу рюкзаков. Больше Бюлов его не трогал. Вскоре они услышали храп Фёгеле. Бюлову пришлось переодеться.

В Гамбурге они разместились в доме профессора Хейне.

– Вам придется смириться с официальной частью рождественских праздников во имя Господа нашего, – предупредил Хейне. – Я ничего не мог поделать. Мне пришлось долго убеждать отца разрешить нам не ходить в церковь.

– Мы перенесем это испытание как настоящие мужчины, – сказал Бюлов.

– Мы не против, – добавил Фёгеле. – Все равно это лучше, чем нацистские фестивали солнцестояния. По крайней мере, ноги не обморозим.

Когда они вошли в большую гостиную на втором этаже, родственники Хейне уже ждали раздачи подарков. Тайхман и Штолленберг поздоровались с Дибольтами, которые пришли со своей дочкой.

Все разговаривали вполголоса; даже молодые девушки были сегодня непривычно тихими. Дамы в возрасте, казалось, были погружены в себя; складывалось впечатление, что их одевания демонстрировали их нужду в большей степени, чем это было необходимо.

Друзьям пришлось подождать, прежде чем открылась раздвижная дверь, за которой стояла рождественская елка. Ожидание было бы скучным, если бы не любопытные вопросы детей. Пожилому господину с большой бородой пришло в голову спеть веселую рождественскую песенку. «О, весело, весело», – запели гости, но их голоса звучали совсем не весело, – это больше походило на погребальную песнь. Старик запевала начал слишком низко, дети не могли петь в такой тональности и растерялись. Взрослые тоже смутились – они не знали слов. Только Фёгеле пытался спеть все куплеты; но он произносил слова по-швабски и так безбожно фальшивил, что Хейне шепнул ему:

– С таким пением ты в рай не попадешь.

Однако Фёгеле продолжал петь.

– Ну, ты, угомонись, – сказал Бюлов и слегка ткнул его под ребро. Но Фёгеле было трудно остановиться, он стал петь еще громче и еще больше фальшивил. Замолчал он только тогда,

когда Бюлов дал ему такой тычок, от которого он чуть было не упал. Впрочем, песня уже почти закончилась, но Фёгеле все равно обиделся.

Наконец открылась раздвижная дверь, и профессор с теплой улыбкой пригласил всех войти. Свет в столовой погас. В другой комнате стояла рождественская елка, украшенная электрическими лампочками. Справа и слева от нее располагались столы с подарками. Прямо перед елкой стоял отставной генерал Хейне, родной брат профессора, в плохо сидящем костюме, который сильно портил вид маленького старика. В руках он держал старую толстую фамильную Библию. Его незамужняя сестра Луиза стояла позади него, немного левее.

Все запели «Тихую ночь». Не пел только генерал. Он плотно сжал губы, как будто сдерживал икоту. Генерал быстро раскрыл Библию, вставил в правый глаз монокль, висевший на тонкой ленточке, и начал читать рождественский псалом рубленным армейским ритмом, придавая голосу в местах, которые считал особенно важными, пасторальное звучание.

– ...И явился вдруг ангелу небесный сонм, славящий Господа и говорящий: Слава Всевышнему на небесах, миру на земле, доброй воли людей. Аминь. – С этими словами генерал захлопнул Библию.

Все запели гимн «Слава Господу на небесах и миру на земле».

– А теперь, пожалуйста, подарки, – обратился генерал к сестре.

Луиза кивнула и приступила к раздаче подарков. Первыми к ней подошли дети. Они получили оловянных солдатиков, каски, сабли и ружья, а тем, кто умел читать, достались книги о войне. Дети были довольны, и их родители тоже. Когда маленький мальчик неуклюже взял ружье, генерал не смог удержаться, чтобы не показать ему, как надо правильно его держать.

– Нет, малыш, не так. Посмотри, приклад нужно прижать к плечу, правая рука здесь, левая впереди, вот так, а теперь прицелься и спусти курок.

Двое детей спорили о том, в какую часть тела надо целиться. Генерал подошел и сказал им:

– Нет, в голову целиться не надо. Целиться нужно в грудь или в живот.

– Но тогда враг сразу не умрет.

– Это не важно. Главное, чтобы он вышел из строя.

– Да, – согласился старший из детей.

– Нужно отвечать – так точно.

– Та-а-ак точно, – неуверенно произнес мальчик.

– Растягивать слова нельзя. Нужно отвечать старшему офицеру отрывисто и четко.

Ребенок был крайне напуган и неожиданно разревелся.

Генерал ужаснулся:

– Бог ты мой, разве солдат плачет по пустякам?

В ответ на это ребенок заревел в полный голос. Генерал, совершенно растерявшись, отошел от него. Тогда мальчик постарше, слышавший весь разговор, подумал: «Наверное, дядя за свои усилия заслуживает не слез, а награды». Он побежал за генералом, протянул ему свою ручонку и сказал:

– Счастливого Рождества.

Генерал опешил, потом рассмеялся и произнес:

– Конечно, конечно, мой мальчик.

Огни на елке погасли. Мужчины заговорили о делах, женщины – о детской одежде, и все пришли к выводу, что наступили тяжелые времена. Некоторые мужчины выразили слабую надежду, что это последнее военное Рождество.

– На все воля Божья, – твердили дамы.

Генерал надеялся, что на Западе не будет крупномасштабных военных действий, иначе кто знает, сколько отважных немецких солдат встретит там свою смерть.

– Мы живем в век техники, – произнес он с печальным выражением на лице. – К сожалению, личной храбрости теперь недостаточно. – Затем он принялся рассуждать о линии Мажино.

– Я думаю, фюрер знает, что делает, – заметил господин, одетый так, как будто собирался проходить обряд конфирмации. – До сих пор он не совершил ни единой ошибки.

– На все воля Божья, – произнесла на заднем плане какая-то женщина.

– Я надеюсь только на одно – что наши лидеры, прежде чем что-то сделать, тщательно изучат обстановку, – сказал генерал. – Нельзя слишком туго натягивать тетиву.

– Доверимся Господу, – произнесла его сестра. Слово «Бог» было для этих людей, словно масло для губ. – Если Господь захочет, зима будет теплой.

– Бог знает, о чем думали англичане, объявляя нам войну.

– Господь вознаградит вас, – услышал Штолленберг, подняв с пола дамскую сумочку.

– Да поможет нам Господь, – была общая присказка.

Неприятность случилась, когда Тайхман попытался поменяться подарками. Каждый из них получил по бутылке коньяку, по три пачки сигарет, а также книгу в кожаной обложке с чистыми страницами и надписью «Мой дневник». Тайхман отвел Фёгеле в сторону и предложил ему сделку – пусть Фёгеле отдаст ему свой коньяк и сигареты, а Тайхман в обмен на это вручит ему свой дневник.

– Ты что, считаешь, что я совсем дурак? – спросил Фёгеле, постучав себе указательным пальцем по лбу.

Подошел Бюлов, и Тайхман повторил свое предложение ему, с той лишь только разницей, что теперь он менял дневник на коньяк *или* сигареты.

– Ты псих, – сказал на это Бюлов. – Даже Фёгеле не такой болван, чтобы купиться.

– Бюлов, – громко и со злостью произнес Фёгеле, – ты глупый уплюдок.

Бюлов раскатисто расхохотался; а фрейлейн Луиза покраснела, подошла к своему племяннику и весьма эмоционально ему что-то сказала. Хейне подошел к Фёгеле и как можно тактичнее попросил его удалиться в свою комнату. На этом настаивала тетья Луиза, которая пригрозила, что доложит обо всем генералу, если он не уйдет.

– Она так и сказала – доложит?

– Да, так и сказала.

– Тогда я ухожу. Она не должна докладывать обо мне.

Хейне обещал позже принести ему что-нибудь выпить.

– Если Фёгеле уходит, то я тоже ухожу, – сказал Бюлов, и они оба отправились наверх. Через полчаса за ними последовали все остальные.

Усталые, страдая от похмелья, они бегали под дождем по пирсу. Укрыться было совершенно негде. Вместе с ними погрузки ожидали еще сорок человек из первого взвода второй роты. Офицер штаба сообщил им, что флотилия идет из Бремерхафена в Гамбург и прибудет около 10 часов.

Флотилия пришла в порт в конце дня. Она состояла из девяти переоборудованных под тральщики рыболовецких судов. Шестым к пирсу подошел «Альбатрос».

На каждый корабль было распределено пять человек. Тайхман, Бюлов, Штолленберг Хейне и Фёгеле попали на «Альбатрос». Это назначение устроил им старший помощник, который стал теперь главным квартирмейстером и считал, что оказывает бывшим матросам этого судна большую услугу.

Поднявшись на борт, они были достойно встречены.

– А вот и наши будущие адмиралы! – крикнул, увидев их, Питт.

– Вундеркинды вы наши новоиспеченные, готовьте свои задницы – будем вас пинать, пока спереди не потечет юшка, – заорал Остербур.

У него были вставные зубы, которые слегка клацали, когда он открывал рот. Из-за этого его нижняя челюсть потеряла прежнюю форму, но в целом он не изменился к лучшему.

– Где мои деньги? – крикнул Лёбберман. – Спускайся вниз, грязный мошенник, мы тебя давно ждем.

– Надувай лучше свою бабулю, а меня не трогай, – проревел Штюве, и Хейне побледнел.

– Какая милая компания, – произнес Бюлов.

– Похоже, дело идет к драке, – сказал Тайхман.

– А в чем дело? – спросил Фёгеле.

– Скоро узнаешь.

Они сбросили свои вещмешки на палубу и пошли доложить о своем прибытии командиру. Командиром был младший лейтенант по фамилии Вагнер. Старшего помощника звали Паули, он тоже был младшим лейтенантом, но из резервистов. Командир пожал каждому руку и сказал, что они должны держать марку. Никто не понял, что он имел в виду.

В кубриках появилось много новых лиц: сигнальщики, радисты, квартирмейстеры; все – молодые парни от 18 до 25 лет. Их койки располагались по левому борту, где обосновались и пятеро друзей, получив водонепроницаемые комбинезоны и спасательные жилеты. Старая команда располагалась по правому борту; главным теперь был Питт.

Команду вызвали наверх, и старпом объявил, что капитану присвоили звание лейтенанта, а помощнику главного механика – младшего лейтенанта. Когда появился командир, старпом доложил по форме и поздравил его от имени команды. Командир поблагодарил экипаж, то же сделал и младший лейтенант, который был уже слегка навеселе. Командир выделил палубной команде три ящика пива, по 62 бутылки в каждом; трюмные получили два ящика.

– Живьем мы отсюда не выйдем. Похоже, нам крепко достанется, – сказал Бюлов, когда они вернулись к себе.

– Сегодня нам надо поменьше пить, – произнес Штолленберг.

Хейне высказал предположение, что благоразумнее было бы провести вечер на берегу. Он панически боялся крупных ссор, и, хотя тщательно скрывал свой страх, он так и сочился у него из глаз. Хейне был довольно мощного телосложения, но никак не мог преодолеть глубоко укоренившегося страха получить удар в лицо, избавиться от него не помогла даже работа в рыболовецком флоте. Ему казалось, что его голова сделана из стекла и разобьется от малейшего прикосновения. Поэтому он вступал в драку только тогда, когда основная работа была уже сделана другими.

– Останемся здесь, – сказал Штолленберг. – Это дело чести. В конце концов, мы их нагрели на пятьсот марок.

– Но мы же старались для Доры, – напомнил Хейне, взглянув на Тайхмана. Однако тот сделал вид, что это его не касается. С возмущительным спокойствием он разбил второе яйцо о край тарелки, намазал толстенный слой соленого голландского масла на тоненький ломтик хлеба и положил сверху кусок ветчины.

Питт назначил Бюлова и Фёгеле дежурными по столовой.

– Хорошо, – сказал Тайхман, – но они будут обслуживать только стол по левому борту.

– Ну уж нет. Они будут обслуживать оба стола, – заявил Питт.

– А я говорю, что любой из нас, дежуря по столовой, будет обслуживать только наш стол, – сказал Тайхман.

– А, я понимаю – ваши благородия гнушаются мыть за нами тарелки.

Тайхман подумал, что не стоит затевать драку так рано, но на всякий случай сунул в карман свои наручные часы. В это время раздался звонкий шлепок. Питт стоял, потирая левую щеку, – Бюлов ударил его по лицу.

Звук пощечины получился очень смачным, да и зрелище – что надо. Но это был совершенно новый и доселе невиданный среди моряков способ начать драку. Питт слегка опешил.

За все проведенные в море годы с ним не случилось ничего подобного. Пощечина уместна в пансионе для благородных девиц, а вовсе не на корабле; для моряка это смертельное оскорбление. Бюлов же об этом не догадывался. И еще он не знал, что противника надо вывести из строя как можно раньше, если не хочешь, чтобы он вывел из строя тебя. И Питт показал ему, как это делается, ударив его ногой в промежность и при этом добавив:

– Теперь он не скоро встанет.

Через секунду Питт рухнул на пол рядом с Бюловым. Это сапог Тайхмана въехал ему в живот, и Питт сложился, словно перочинный ножик. Моряки с правого борта приготовились к потасовке. Моряки с левого борта вначале заняли выжидательную позицию, не желая стать следующими жертвами. И только Фёгеле не встал со своего места. Он, словно загипнотизированный, смотрел на Бюлова, который со стоном катался по полу.

Лёбберман бросился на Штолленберга. Ну, этот безобиден, подумал Тайхман, Эмиль с ним легко справится. Он увидел, что Остербур вытащил свои вставные зубы, но тут же нырнул головой вперед, заметив, что Штюве собирается ударить его бутылкой, полной пива. Удар пришелся по спине, причинив ужасную боль. Тайхман схватил Штюве за волосы, пригнул его голову и двинул коленом в подбородок, после чего Штюве надолго отключился.

Мекель надвигался на Тайхмана, как живая гора мышц, медленно и верно. Он знал, что сильнее его на корабле никого нет. Мекель захватил левую руку Тайхмана и попытался вывернуть ее. Тайхман упал на колени. Кулаком правой руки он ударил Мекеля в лицо, но удар оказался недостаточно сильным. На Мекеле он никак не отразился и даже, похоже, пошел ему на пользу. Тайхман вспомнил, что его противник иногда вел себя очень странно. Однажды во время драки с Лауэром, невысоким, хилым парнем, он без сопротивления позволил ему отметить себя. Но сегодня Мекель позабыл о своих мазохистских наклонностях. Тайхман подумал, что он сейчас сломает ему руку. Он с большим трудом удерживался на коленях, стараясь не упасть. Теперь ударил Остербур. Тайхман почувствовал, как край железного кольца, которое Остербур носил на левой руке – он был левша, – раскроил ему бровь и вонзился в кость. По глазам и по носу Тайхмана полилась кровь. Он хотел было инстинктивно слизать ее языком, но подумал, что может остаться без него. Остербур ударил его в подбородок. Правым глазом Тайхман уже ничего не видел. «Если Остербур ударит еще раз по тому же месту, я останусь без глаза», – сказал себе Тайхман. Сделать он ничего не мог – его рука была в тисках, и Мекель давил на нее всей своей мощью. Тайхман ждал следующего удара, но Остербур не торопился. Он примеривается, куда бы лучше ударить, догадался Тайхман; если бы не это чертово кольцо...

И тут Остербур нанес удар. Не в то же самое место, немного ниже, под глаз, но опять кольцом. Тайхман почувствовал, как лопнула под правым глазом кожа и кольцо вошло в его плоть. «Они забьют меня насмерть», – подумал он. Тогда он прижал подбородок к груди, оттолкнулся от пола и перекатился через голову вперед. Это позволило освободить левую руку. Мекель соображал очень медленно. Во время своего кувырка Тайхман увидел, как Фёгеле, стоя на столе с правого борта, разбил бутылку пива о голову Остербура. У него прояснилось в голове, подумал Тайхман. Фёгеле понял, что Остербуру уже достаточно, и, не сходя со своего стола, заехал ногой прямо в лицо Мекелю.

– Так держать, Фёгеле! – крикнул Тайхман. – Добей его. – Но тут ему пришлось переключить внимание на Хинша, который надвигался на него.

Фёгеле был маленьким смелым человечком, но он не имел опыта в серьезных драках. Ударив Мекеля, он в нерешительности застыл на столе, слегка напуганный своей собственной смелостью. Но для Мекеля одного удара ногой было мало. Он схватил Фёгеле и швырнул его через весь кубрик. Фёгеле ударился о деревянный край койки, расположенной по левому борту.

Тайхман тем временем двумя короткими хуками в подбородок привел Хинша в состояние прогги и окончательно вырубил его свингом. Потом он ударил Шмуцлера ребром ладони

и повернулся к Мекелю. Правой ногой он со всей силы врезал ему по голени. Мекель взвыл и ухватился за больное место. Его голова при этом оказалась у края стола. Холодный расчет, который в таких случаях никогда не подводил Тайхмана, подсказал ему, куда надо ударить, чтобы вырубить Мекеля, не подвергая себя риску получить ответный удар. Тайхман молниеносно схватил Мекеля за волосы и дважды ударил его головой о край стола. Было ясно, что Мекель оглушен. Он поднял голову, но, прежде чем Тайхман смог нанести ему решающий удар, Фёгеле, снова забравшийся на стол, с силой врезал ему ногой в лицо. Но Мекель все еще не собирался отключаться – он только слегка смешался. Тайхман ударил его ногой в живот, и он стал хватать ртом воздух. Тайхман вновь увидел, как Фёгеле летит по воздуху и приземляется у правого борта. И все-таки Тайхману удалось перехитрить Мекеля, слабостью которого была замедленная реакция. Прежде чем тот понял, что происходит, Тайхман врезал ему левой рукой по шее, причем кулак попал точно между подбородком и яремной веной. Мекелю этого хватило – он бесславно свалился под правый стол.

Но тут сзади на Тайхмана напал Лауэр и замолотил ему по голове маленькими кулачками. У Тайхмана был твердый череп; удары Лауэра его просто раздражали. Ему и делать-то ничего не пришлось – Лауэр остановился сам, отбив себе костяшки пальцев.

Тайхман перевел дыхание и оценил обстановку. Зрелище битвы его порадовало. Он увидел, что Хейне тоже дерется, а это означало, что, в сущности, битва была ими выиграна. В драку включились и новички. Сигнальщик по имени Харрис отвешивал отличные панчи – он, по-видимому, знает в этом толк, с удовлетворением подумал Тайхман. Фёгеле тоже держался молодцом. Удивительно, как быстро он пришел в себя после полетов через весь кубрик. Фёгеле снова забрался на стол и колотил полными пивными бутылками по головам моряков правого борта. Когда бутылки закончились, он заорал:

– Принесите еще, я их всех замочу!

Но желающих получить бутылкой по черепу не нашлось. Поле битвы было усеяно осколками тарелок, пивных бутылок, остатками пищи и выбитыми зубами, не говоря уж о раненых. Хуже всех выглядел Мекель – его лицо напоминало сырой гамбургер, в остальном же все было в порядке.

Глаза его остались целыми, и он даже мог говорить. Лёбберман, наоборот, потерял передние зубы. Это была заслуга Штолленберга. Один зуб вонзился в его руку и торчал там. Штолленберг извлек его с помощью маникюрных щипчиков, которые ему дал Хейне, и протянул его Лёбберману. Остербур лишился возможности пользоваться своими вставными зубами, поскольку его нижняя челюсть оказалась свернутой на сторону.

– Может, твои зубы подойдут Медузе, – сказал Хейне.

– Нет уж, лучше жить вообще без зубов, чем с его зубами, – проворчал Лёбберман, – слишком много шлюх их облизывало.

После того как они выпали у него в самый неподходящий момент, Остербур стал отдавать их на хранение своему напарнику. Кроме того, у него на голове был небольшой порез, нанесенный бутылкой Фёгеле. Зато Бюлову было очень плохо. Его уложили в койку и стали делать холодные компрессы. Моча Бюлова была красной от крови. Штолленберг почти не пострадал, если не считать уха, которое стало похоже на цветную капусту, распухшего века и пореза на правом кулаке. Шмуцлер потерял чувство равновесия, которое вернулось к нему лишь некоторое время спустя.

Вскоре в матросский кубрик пришел старший квартирмейстер. Питт, унтер-офицер судовой полиции, сделал доклад по всей форме. Старший квартирмейстер объяснил свое появление тем, что один из кочегаров сообщил ему, что матросы убивают друг друга.

– Это гнусная ложь, – заявил Питт. – Вы же сами прекрасно видите, что все мы живы.

– Да уж, зрелище не из приятных, – констатировал квартирмейстер.

– Ничего страшного не произошло, – возразил Питт, – мы просто утрясали кое-какие разногласия. Я требую, чтобы вы назвали мне имя этого кочегара.

Чтобы придать веса своим словам, он вытянулся по стойке «смирно». Так он и стоял, требуя информации от старшего по званию, вдохновляясь мыслью о том, что защищает своих товарищей, и свято веря в то, что кочегар совершил по отношению к ним величайшую несправедливость.

– Я не знаю его имени, – ответил старший квартирмейстер.

– А как он выглядел?

Старший квартирмейстер посмотрел на Питта, затем перевел взгляд на матросов, покачал головой, повернулся и стал подниматься по трапу на палубу. На полпути он остановился, снова покачал головой и со смешком произнес:

– Разбирайтесь сами.

– Что он хотел этим сказать? – спросил Питт, когда старший квартирмейстер ушел.

Тайхман, Мекель и Остербур отправились в старшинский кубрик, и один из старшин, окончивший ускоренные медицинские курсы, занялся ими. Он забыл то небольшое, что знал, подумал Тайхман, увидев, что горе-лекарь делает с Мекелем. Но старшина с радостью выполнял свою работу. Зашивая Тайхману бровь, он делал много лишних стежков и порой попадал иглой не в то место, куда нужно, восклицая при этом: «Опля!» Тайхман молча страдал, пока не увидел, что в иглу не вставлена нитка. Все пришлось начать сызнова. «Медик» был в основном подпитии, и Тайхман очень обрадовался, когда тот сказал ему, что порез под глазом зашивать не нужно.

После этого матросы вернулись к прерванному ужину. Пива оставалось еще много, несмотря на боевые действия Фёгеле. Правда, оно уже порядком нагрелось, но никогда еще теплое пиво не казалось им таким вкусным. Остербур, который из-за своей шатающейся челюсти не мог пить из горлышка, пил из кружки – стаканов на борту не было. Мекелю тоже было трудно справляться со своим пивом. Старшина забинтовал ему голову целиком, оставив только небольшое отверстие для рта. Хейне расширил его с помощью ножниц, после чего тот уже мог пить нормально. Раненым досталось по две дополнительные бутылки. По предложению Мекеля, Фёгеле дали еще три бутылки – за храбрость во время его первой потасовки на борту их корабля. Пиво быстро ударило Фёгеле в голову, и он тут же улегся спать. Питт нанес Бюлову визит вежливости и пообещал, что сам лично проследит, чтобы ему ставили холодные компрессы всю ночь.

– Приятель, – сказал ему Бюлов, – как только поправлюсь, тут же сойду на берег, чтобы проверить, работает эта штука или нет. Вы, мерзавцы, лишили моряка единственного удовольствия, которое у него осталось. Ну почему жизнь такая...

– Не переживай, – успокоил его Питт, – он у тебя будет работать. Не может же он навсегда улечься из-за какой-то ерунды. Мой еще и не такое видал. Мы пойдем вместе, и я найду тебе такую шлюху, которая заставит его работать. Уж это я тебе гарантирую.

– Рад слышать, – ответил Бюлов.

Питт вернулся к столу. Недолгая беседа с Бюловым подняла ему настроение, ведь не каждый день выпадает удача поболтать с настоящим графом. Примиренный с Богом и миром, он сосредоточился на пиве.

– Доставай свою стоналку, Бенно.

Хинш подошел к своему рундуку и достал аккордеон. Беря первые аккорды, он немного смущался. Они спели «Четырехмачтовик из Гамбурга», «Тринадцать человек на сундук мертвеца» и несколько матросских песен.

Когда пробило полночь, они все еще пели. Пришел старший квартирмейстер и присел в конце стола, стоявшего по правому борту. Он не пел вместе со всеми, а просто слушал, то и

дело прикладываясь к бутылке с пивом, которую принес с собой. Напоследок они спели «На пути домой».

Ночью Штолленберг услышал слабый стон. Он встал, включил свет и подошел к койке Бюлова.

- Ну, как ты?
- Хуже некуда.
- Это ты стонал?
- Нет, это Фёгеле.

Штолленберг переменял Бюлову компресс.

– В следующий раз – только чтобы это осталось между нами – я отмечую Питта как следует. Сделаю из него изнасилованную девственницу.

- Только не давай ему больше пощечин.
- Не буду. Пусть только тронет меня еще раз, этот сыкун.
- Ну хорошо. А сейчас спи.
- Ладно.

Штолленберг выключил свет и перебрался к соседней койке.

– Ты был великолепен, – сказал он Фёгеле, – просто неподражаем. Ты оказался самым крутым из нас. Я не шучу. Это факт. Ты молодец.

- Такое часто бывает? – спросил Фёгеле.
- Да нет, иногда случается, но не...
- Еще раз я такого не переживу.
- Переживешь. Научись относиться к дракам спокойно.
- Нет, не научусь. Да и не хочу я учиться.
- Мне вот пришлось.
- Я ведь не трус, Эмиль.
- Я знаю.
- Даже в школе я ненавидел боксаться. Но я не давал себя отшлепать.
- Ну, бокс – это ведь спорт.
- Да, и в спорте есть правила.

– У нас тоже есть правила. Если ты оказался на полу и не встаешь, тебя больше никто не тронет. Ведь после первого удара Бюлова больше никто не бил. Если ты ударил или тебя ударили, то все. Даже Тайхману сначала крупно досталось, а ведь для него это что-то значит. А Хейне до сих пор пугается, когда начинается драка. Но со временем ты привыкнешь. Тут уж приходится выбирать – бить самому или быть битым, а если сбежишь, то прослывешь трусом. Я знаю, что поначалу бить самому очень трудно, поскольку приходится заставлять себя быть жестоким. Так было и со мной. Я не мог ударить человека по лицу, пока мне самому его не разбили, после этого все стало очень просто. Этому очень быстро обучаешься.

- Да, но я очень жалею о том, что сделал с Мекелем.
- Нечего жалеть. Он ведь с тобой тоже не церемонился.
- А я все равно жалею.
- Это пройдет, Фёгеле. Спи.
- Хорошо.

Они вспахивали свой сектор моря подобно тому, как крестьянин пашет свое поле, борозду за бороздой – с той лишь только разницей, что они жали то, чего не сеяли, а урожай грозил им смертью, если забыть об осторожности. И, даже соблюдая осторожность, все равно можно было погибнуть – все зависело от удачи, как, впрочем, всегда бывает на войне. Почти все зависит от удачи.

Им же с самого начала не везло.

Тральщики двигались строем фронта. За ними шел буйковый корабль, отмечавший буйками проверенные и очищенные от мин участки. На обратном пути он их забирал и использовал на следующем разминированном участке. На этот раз буйковым кораблем был назначен «Альбатрос». Когда через два часа после начала траления всплыла первая мина, с лидера флотилии просемафорили приказ обезвредить ее и поднять в целостности и сохранности на борт.

Четыре человека отправились к ней на шлюпке. «Альбатрос» лег в дрейф. Моряки с безопасного расстояния наблюдали, как те четверо обезвреживают мину. Минут через пятнадцать матросам наскучило наблюдать за этим, и они спустились вниз. Тайхман, налив себе оставшийся от завтрака кофе, решил добавить туда консервированного молока, но его кружка вдруг накренилась влево, и молоко пролилось мимо. Через секунду он услышал короткий и жесткий звук взрыва, а затем такой звук, какой издает оседающая фонтанная струя, когда воду в фонтане отключают. «Альбатрос» качался из стороны в сторону. Матросы повыскакивали на палубу.

Справа по борту море выглядело так, будто какой-то великан со всей силы швырнул в воду айсберг. Через минуту поверхность моря снова стала ровной.

От лидера флотилии по семафору поступил приказ: «От С – К: отправьте спасательную шлюпку».

В течение сорока минут бот, спущенный с правого борта «Альбатроса», обшаривал место взрыва. Он вернулся нагруженный рыбой, у которой были перебиты жабры. Старшина шлюпки Бекер доложил, что они видели куски плота и руль, но не посчитали нужным брать их с собой.

Харри Майзель, сигнальщик с «Альбатроса», просемафорил на флагман: «От К – С: поиски результата не дали и прекращены».

Кок обрадовался рыбе и приготовил ее на обед, каждый матрос получил две рыбины. После обеда Штолленберг спросил Тайхмана:

– Так это и есть боевые действия на море?

В тот же день всего в сорока пяти метрах спереди по курсу «Альбатроса» всплыла вторая мина. Корабль обошел ее слева и, когда она осталась метрах в трехстах позади него, застопорил ход. С флагмана поступил приказ: «От С – К: послать подрывников».

– Пойдут только добровольцы, – объявил с мостика командир.

Моряки, оказавшиеся в эту минуту на палубе, громко заговорили.

– Старшинам остаться, – произнес командир. – Мне нужно четыре человека.

– Пусть гардемарины бросят жребий, кому идти, – предложил старпом.

Повезло Бюлову – он остался на корабле.

На воду спустили запасной резиновый плот. Тайхман, Штолленберг, Хейне и Фёгеле натянули спасательные жилеты и прыгнули вниз.

Поверхность моря была гладкой, как стекло, что в это время года бывает нечасто. Начался снегопад, и видимость была плохой. Гардемарины механически гребли, не отрывая глаз от мины и ломая себе голову над тем, почему взорвалась ее предшественница. Внезапно плот подбросило вверх, опрокинуло и затащило под воду. Тайхман проплыл под ним, вынырнул, жадно хватая ртом воздух, и увидел вертикальную стену воды, приближавшуюся к нему. На ее серо-зеленом фоне четко выделялись снежинки. Сейчас они были белыми, а не грязно-серыми, как раньше. Но тут стена обрушилась на него, увлекла за собой под воду, а потом вновь выбросила на поверхность.

Слегка оглушенный, он лежал на воде, удивляясь, почему она кажется ему тепловатой. Наконец, до него дошло, что он не тонет, даже не делая никаких движений. Он ощупал руками свой череп. Ужасно болела голова. Боль сверлила и опоясывала мозг – Тайхману казалось, что кто-то прибил к его голове доску, которую обязательно надо было оторвать. Но, ощупав голову, он понял, что никакой доски нет, одни волосы. «Альбатроса» он не видел. Тогда Тайхман поплыл, выбрав направление наугад. Это получилось у него на удивление хорошо. Руки и

ноги были в полном порядке, только тяжелые ботинки тянули вниз. Он перевернулся на спину и тут же почувствовал головокружение; ощущение было такое, как будто мозг вращается сам по себе и бьется о стенки черепа. Он снова перевернулся на живот, и его мозг перестал вращаться. Теперь его беспокоила только стреляющая боль в области лба, над глазами, в остальном же все было в порядке. И только когда он двигал головой, ему казалось, что в ней завелся осинный рой, который тщетно пытается вырваться наружу.

Никого из своих товарищей он не видел. В нескольких метрах спереди от него плыло весло. Он схватил его. Прикоснувшись к дереву, вдруг почувствовал, что вода совсем ледяная, и все его тело охватил холод.

И тут Тайхман увидел «Альбатрос». Он убедился, что его товарищей рядом нет и никто из них не плывет к кораблю. Он плыл медленно – начала сказываться усталость. Его руки и ноги налились свинцом. Соленая вода жгла глаза; он закрыл их и подумал: «Они придут и подберут меня». Время от времени он открывал глаза, боясь потерять направление.

Он увидел, что «Альбатрос» совсем не приближается, по всей видимости, там напрочь позабыли о матросе второго класса Тайхмане. Но он слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. Вдруг впереди себя Тайхман увидел какой-то предмет. Он подумал, что это кто-то из его товарищей. Предмет не двигался. Снегопад усиливался. Когда он снова взглянул вверх, снегопад полностью закрыл от него «Альбатрос». Он не видел ничего, кроме воды и снега. Его начал охватывать страх.

Впереди него находился предмет – теперь он понял, что это резиновый плот. Тайхман очень ему обрадовался. «Ганс», – услышал он чей-то голос. Голос прозвучал неразборчиво, и Тайхман никак не мог понять, откуда он доносится. Он затряс головой, надеясь, что, когда из ушей выльется вода, он станет лучше слышать. Он ухватился за трос, шедший по периметру плота, и почувствовал, что он туго натянут. Перебирая руками, он добрался до кормы и с другой стороны увидел своих товарищей. Дрожа от холода, с посиневшими губами, они держались за трос. Тут же он увидел и «Альбатрос». Это плот загоразживал его от Тайхмана.

– Что это ты все плаваешь кругами? – спросил Штолленберг, стуча зубами.

– Мы тут все глотки посрывали, пытаюсь до тебя докричаться, – произнес Хейне. – А ты плаваешь вокруг, как будто сдаешь экзамен по вольному стилю. – Говоря это, Хейне пытался разозлить себя, но слишком замерз, чтобы по-настоящему рассердиться.

– Я ничего не слышал, – произнес Тайхман.

– У тебя никогда не было музыкального слуха, – заметил Хейне.

– Перестаньте болтать. Нужно залезать на плот. Боже, я совсем задубел, – заявил Фёгеле.

Они вскарабкались на одну сторону плота и вдавили ее под воду; Тайхман дотянулся до троса, шедшего по другую сторону, и тянул его на себя до тех пор, пока плот не ударился днищем о воду.

«Альбатрос» тем временем приблизился. Главный старшина подтянул их к борту лодочным крюком. Четверых матросов подняли на палубу, а за ними и плот.

– Ну, как себя чувствуете, молодые адмиралы? – спросил Питт.

– Спасибо, – сказал Хейне. – Жар уже прошел.

– Старик жалуется каждому из вас по бутылке шнапса, чтобы не хватил солнечный удар, – произнес Питт. – Правда, вы ничего не сделали, чтобы заработать этот шнапс, так что можете поделиться им с теми, кто вас спас.

– Адмиралы всегда пьют свой шнапс сами, – отрезал Хейне.

Через полчаса они снова были на палубе и сбрасывали в воду буи. Когда стало смеркаться и видимость ухудшилась, эти буи были подняты на палубу, осмотрены, перенесены на правый борт и снова подготовлены к сбрасыванию.

Матросы работали молча, разве что кто-нибудь время от времени, когда буйковый якорь падал ему на ногу, отпускал ругательства. Они работали ровно и надежно, словно машины,

вот только их руки были сделаны не из железа. Соленая вода разъедала кожу и оставляла глубокие раны; руки стали буро-красными, словно свежая кровяная колбаса. Но это их особо не беспокоило, от холода циркуляция крови в сосудах замедлилась, и руки почти ничего не чувствовали.

За всю следующую неделю не случилось никаких происшествий, за исключением того, что на море время от времени поднималось сильное волнение, отчего у Фёгеле начиналась морская болезнь, и он мечтал поскорее умереть. Но когда через пять дней погода улучшилась, он тут же воспрял духом и раздумал умирать.

«Альбатрос» и другие тральщики шли строем фронта, как вдруг на горизонте появился двухмоторный самолет. Объявили боевую тревогу. Места Тайхмана, Бюлова и Фёгеле по боевому расписанию находились у 20-миллиметрового зенитного автоматического орудия, которое на корабле называли пулеметом. Хейне занял свой пост на мостике у машинного телеграфа, а Штолленберг – у 55-миллиметрового орудия на носу, где он был четвертым номером расчета. Это орудие команда называла «ночным сторожем», поскольку оно всегда вступало в бой, когда он уже заканчивался. Его расчет, состоявший из пяти матросов, ничего не мог с этим поделаться. Орудие было изготовлено еще в Первую мировую войну, его затворный механизм был сильно изношен, и работать с ним было трудно, а прицел был прямо-таки доисторическим. На «Альбатросе» считалось наказанием попасть в расчет «ночного сторожа». Поэтому матросы не испытывали никакой любви к своему орудью, что отнюдь не способствовало улучшению качества стрельбы.

Самолет летел прямо на флотилию.

– Надеюсь, это самолет противника, – сказал Штюве, занявший свое место у 20-миллиметрового орудия. Тайхман был при нем заряжающим.

– Выстрели по нему, и сразу узнаешь, – посоветовал Тайхман. Он сжал металлическую поверхность магазина, ладони его повлажнели, а по спине забегали мурашки.

– Не учи ученого, – огрызнулся Штюве. – Без команды стрелять нельзя. – Тайхман ощутил приступ раздражения.

Самолет отвернул влево. С флагмана флотилии сделали выстрел спереди по курсу самолета, чтобы заставить его выдать свою принадлежность. Самолет накренился для разворота, и все увидели на его крыльях английские опознавательные знаки. И тут он ринулся в атаку, летя на бреющем полете. Маневр был прост, но очень эффективен.

Тральщики шли строем фронта. Самолет зашел сбоку, перпендикулярно их курсу, в результате чего только самый крайний слева корабль мог вести по нему огонь. Другие тральщики стрелять не могли, а буйковое судно находилось далеко позади и не могло прийти им на помощь.

Самолет пролетел над «Альбатросом» самым последним. В эту же самую минуту отказал зарядный механизм 20-миллиметрового автомата, а расчет кормового орудия не мог стрелять из-за того, что дым трубы закрыл от него самолет. Стрелял только Штюве. Он попал в правое крыло самолета, и его мотор задымил. Оставляя за собой шлейф дыма, он пролетел, почти касаясь поверхности воды, вне досягаемости корабельных «пулеметов». Попасть в него могло только 55-миллиметровое орудие на носу. Бум! – бухнул «ночной сторож», выстрелив в то место, где полминуты назад находился английский самолет. Когда прозвучал второй выстрел, он уже успел скрыться за горизонтом.

– Болваны! – обругал прислугу «ночного сторожа» старпом. – Вам тут что, цирк?

– Всемогущий Боже, господи, – ругался капитан, – это же вам не увеселительный круиз!

С флагмана флотилии передали: «От С – всем кораблям: флагман недоволен стрельбой».

Козлом отпущения стал Остербур, который командовал орудийным расчетом. На его долю пришлось большая часть ругани.

Во время обеда всплыла еще одна мина. «Альбатрос», снова выполнявший обязанности буйкового судна, застопорил ход.

– Где группа уничтожения мин, черт побери? – заорал старпом.

– На этот раз пошлите других, – сказал командир.

– Я думаю, гардемарины справятся с этим делом лучше других, господин капитан, – быстро произнес Паули, прикладывая руку к козырьку фуражки.

– В любом случае только добровольцы.

Поскольку на море поднялись волны, подготовили бот с правого борта.

– Бот готов к спуску, – доложил командиру старпом.

– Спустить бот на воду, – скомандовал командир.

– Спустить бот на воду, – повторил команду старпом и тут же заорал на четверых добровольцев: – Я же приказал спустить бот на воду. У вас что, уши грязью забило?

– Мы подумали, – оправдывался Хейне, – что вы только повторили приказ командира, и ждали вашей личной команды.

– Отставить пререкания, – рявкнул старпом.

– Да оставь ты его, Хейне, – сказал Фёгеле, – он ведь долбанутый.

– Фамилия этого матроса? – прорычал старпом.

– Матрос второго класса Фёгеле.

– Я доложу командиру о твоём поведении.

– Доложите, – сказал Фёгеле, – только дождитесь, когда я вернусь, – добавил он и, обращаясь к своим товарищам, произнес: – Пошли, ребята.

– Я встану у пулемета и прикрою вас, если англичане вернуться, – пообещал Штюве, пока бот спускали на воду.

– Очень любезно с твоей стороны, – ответил Хейне.

Командир перегнулся через поручни:

– Эта штука движется быстрее плота. Идите к мине на полной скорости, но вовремя заглушите мотор, чтобы не столкнуться с ней. Подгребете на веслах. Удачи.

Они шли на хорошей скорости. Подвесной мотор работал как зверь. В ста метрах от мины его выключили. Друзья налегли на весла. Хейне выкрикивал расстояние до мины. Совершенно напрасное дело, но весла ему не досталось, а это была какая-никакая работа. За несколько метров до цели они перестали грести и сложили весла. Шлюпка медленно приблизилась к мине, которая колыхалась на волнах, словно поплавок. Осторожно, стараясь не задеть ее свинцовые рога, Хейне придерживал ее руками, а Тайхман – крюком. Штолленберг сделал большой шлаг троса и набросил его на мину. После этого он тянул трос, пока на поверхности не показалась часть якорной цепи. Хейне взял трос и пропустил его в одно из звеньев цепи. Друзья протянули ему гаечный ключ, и он начал отворачивать рога. Открутив три из них, он передал их Фёгеле, чтобы тот положил их на брезент под банку шлюпки. Прежде чем приступить к откручиванию последнего рога, он потряс руками – они одеревенели от холода. Тайхман сказал ему, чтобы он поторапливался – никому не хочется попасть на тот свет из-за этого чертова рога.

– Пусть кто-нибудь другой им займется, – попросил Хейне. – Я совсем не чувствую пальцев.

Тайхман и Хейне поменялись местами. Тайхман передал Фёгеле лодочный крюк. На секунду Фёгеле отпустил мину.

– Осторожно! – крикнул Хейне. Шлюпка рыскнула на ветру и задела кормой свинцовый рог мины. Тайхман осознал, что случилось, только тогда, когда увидел лицо Хейне. Оно было совершенно белым.

Стеклянная трубка, кислота, взрыватель, капсюль. Взрыв. Эти слова жгли мозг Тайхмана, словно огнем. Он снова и снова повторял их про себя – даже после того, как Штолленберг, сидевший ближе всех к мине, медленно отвинтил погнутый рог и бросил его в воду.

- Зачем ты его выбросил? – услышал свой голос Тайхман.
- Береженого Бог бережет.
- Интересно, почему она не рванула?
- Должно быть, какой-нибудь обкуренный работяга в Англии забыл налить в трубку кислоту.
- Может быть, он был тайным другом Германии? Я слышал, такое бывает.
- Враки все это.
- Черт вас дерит! – воскликнул Фёгеле. – Вам что, нечего делать, как только пороть всякую чушь?

Они тянули мину на буксире. Тайхман вспомнил, что, по правилам адмиралтейства, при отрыве от якорного каната мины должны дезактивироваться сами. Может быть, им встретилась как раз та самая единственная мина, которая подчиняется этому правилу?

На лица друзей снова вернулись краски. Хейне, сидевший на корме, плеснул себе в лицо пригоршню воды.

- Примите немного влево, вот так, – скомандовал он, – а теперь – вправо, вот так.

Только слепец не увидел бы «Альбатроса», но Хейне держал в руке румпель и чувствовал себя командиром. Тайхман едва удерживался, чтобы не рассмеяться, но помалкивал.

– Мина обезврежена? – крикнул старпом. Когда шлюпка подошла к борту, он спросил: – Почему вы так долго с ней возились? Их ждет целая флотилия, а они там еле шевелятся! Битых полчаса занимались с одной несчастной миной! Мы в свое время таскали их цепочками от часов, правда, Швальбер?

– Вы совершенно правы, господин старпом, – подтвердил Швальбер, который по каким-то непонятным причинам был произведен в старшины шлюпки.

Мину подняли на борт и уложили на палубе.

– Почему вы остановились перед тем, как приступить к откручиванию последнего рога? – спросил капитан.

– Нам пришлось прервать работу, господин капитан, потому что пальцы потеряли чувствительность, – объяснил Хейне.

– Я наблюдал за вами в бинокль и ничего не мог понять.

– Один рог упал в воду, господин капитан, – сказал Штолленберг.

– Черт с ним.

Они прошли в кубрик и съели остывший обед, а потом улеглись на койки, поскольку были свободны от вахты.

– Вытряхивайтесь отсюда, бездельники, война еще не закончилась, – растормошил их Швальбер. – Приказано готовить к бою глубинные бомбы. Обнаружена английская субмарина; мы теперь стали охотниками за подлодками.

– А кто ее обнаружил?

– Не знаю. Нам сообщили об этом по радио.

– Кто на вахте?

– Паули.

– У него, верно, полные штаны от страха, у этого заср...

– На этот раз я ничего не слышал, Штюве, но еще раз назовешь его так, и у тебя будут неприятности.

– Шамо шобой, – огрызнулся Штюве. – Вы с ним одного поля ягода.

– Все в порядке, мальчики, подъем.

– Он назвал нас мальчиками, вы слышали! – воскликнул Штюве.

– Напрашивается на неприятности, – пригрозил Хейне.

– Еще раз увидим здесь твою рожу, – пообещал Штюве, – и ты убедишься, что мы уже давно не мальчики.

Пока они ставили глубинные бомбы на боевой взвод, на корме появился командир и стал наблюдать за их работой.

– Мне подали на вас рапорт, Фёгеле, – сказал он. – В нем говорится, что вы проявили неуважение к старшему помощнику. В чем это проявилось? Что вы сказали старпому?

– Я сказал, что он долбанутый.

– Что?! Да вы, наверное, совсем рехнулись. Разве можно говорить такие вещи офицеру?

– Ответа не последовало.

– Вам нечего сказать в свое оправдание?

– Нет.

– Значит, вы сознательно сказали старпому, что он... Ну, сами знаете что?

– Да, сознательно.

– Может быть, вы имели в виду не старпома, а кого-нибудь из своих товарищей?

– Нет, мои товарищи в порядке.

Дать бы ему хорошего пинка, подумал Тайхман. У других во время этого диалога возникло то же самое желание.

– Может быть, вы были чем-то взволнованы?

– Я, взволнован? Да никогда, командир. Это старпом был взволнован. Он тут все бегал, как козел.

– Фи, мой мальчик, какой у вас странный способ выразиться! Вам надо научиться говорить правильно. С таким выговором вы никогда не станете офицером.

Фёгеле густо покраснел. Он терпеть не мог, когда критиковали его произношение. А когда он злился, то вообще терял над собой всякий контроль и, как большинство лишенных красноречия людей, становился грубым.

– Матрос второго класса Хейне, разрешите обратиться.

– Валяйте.

– Командир, в Южной Германии слово «долбанутый» означает возбужденный, нервный, расстроенный. Именно это Фёгеле и хотел сказать.

– Это так, Фёгеле?

– Так точно, но я не был взволнован, это старпом был взволнован.

– Ну хорошо, хорошо. Только матросу не полагается высказывать свое мнение о состоянии начальника. Как бы то ни было, вы ведь не хотели нанести начальнику оскорбление?

– Нет, совсем нет.

– Я еще раз поговорю со старпомом, прежде чем сажать вас под арест.

Как только командир ушел, Фёгеле накинулся на Хейне:

– Ты что, полагаешь, мне нравится, когда встречаются в мой разговор?

– Ты редкостный болван, Фёгеле. Эта твоя швабская тупость уже начинает...

– Воздух! – закричали с мостика.

Все бросились занимать боевые посты.

Флотилию атаковали шесть самолетов. Они приближались с левого борта.

Стрелка машинного телеграфа перескочила на «полный вперед».

– Огонь по готовности, – крикнул командир. Рулевой резко повернул штурвал вправо. «Альбатрос» резко накренился на левый борт, и нос его пошел вправо. Но тут вокруг моряков засвистели пули авиационных пулеметов.

Штюве выстрелил, но ни в кого не попал.

Самолеты перелетали через корабль, словно водные лыжники. Тайхман вставил вторую обойму. Штюве развернул орудие на 180 градусов, выстрелил вслед улетающим самолетам и пробил одному из них фюзеляж. Самолет с громким всплеском рухнул в воду. Второй свечкой пошел вверх, как будто собираясь сделать петлю, загорелся, светящейся красной массой пронзил голубое небо и взорвался, как ракета в фейерверке. Тут же раскрылся парашют, похо-

жий на маленький белый гриб на фоне небосклона. Он медленно опускался, а под ним, словно маятник, раскачивалась черная фигурка.

– Ты видел, как я ему врезал? – воскликнул Штюве и двинул Тайхмана по плечу с такой силой, что тот испугался за свою ключицу.

– Кончай хвастаться. Готовь оружие к бою.

– Может, они снова прилетят. Вот было бы здорово...

– Может, и прилетят. Надо вставить новую обойму и зарядить старую.

– Вставляй. Эй, погляди-ка туда. Что это с ними?

Тральщик с бортовым номером 6 тонул. Он работал в паре с «Альбатросом»; вместе они составляли 3-ю траловую бригаду. Его корма была уже в воде и быстро оседала. Команда собралась на носу и вела себя довольно спокойно. Командира на мостике можно было опознать по белой фуражке. Он что-то кричал в мегафон матросам на носу. Они бросились к такелажу и стали отвязывать деревянные плоты. С кормы уже были спущены спасательные шлюпки. Бот по правому борту застрял, и кок, не снимая белого колпака, вскарабкался на шлюпбалку и перерезал трос длинным разделочным ножом. Шлюпка тяжело упала в воду. В нее запрыгнули несколько человек. Старшина шлюпки дождался, когда все его матросы сядут в нее, и отвалил от корабля.

Корма тральщика уже скрылась под водой до самой капитанской каюты. Поручень кормового боевого поста был уже еле виден. Все моряки, за исключением командира и сигнальщика, покинули корабль. Сигнальщик встал на край мостика и просемафорил на «Альбатрос» в спокойном, ровном ритме: «От К– К: подберите моих людей. Будьте осторожны, имею на борту глубинные бомбы в состоянии боеготовности».

Сигнальщик подождал, пока «Альбатрос» подтвердит получение семафора, после чего скатал свои флажки, сунул их за пояс и прыгнул за борт. После него прыгнул в воду и командир. На тральщике не осталось никого.

Корабль оседал на корму – туда угодила бомба. Вода дошла уже до трубы, которая задымила вдруг сильнее. Густой черный дым окутал корабль. Тральщик встал вертикально, задрал нос, и через несколько секунд скрылся под водой.

На месте его гибели, как над сливным отверстием в ванне, образовалась воронка. Два деревянных плота попали в нее и стали ходить кругами. Третий, отошедший уже довольно далеко, тоже потянуло назад. И тут море взорвалось. С ревом и грохотом оно вспучилось высоко вверх – впечатление было такое, как будто из воды извергался вулкан. Гора белой пены поднялась и с грохотом опала. «Альбатрос» резко накренился на правый борт, чуть было не перевернувшись, но потом выпрямился и стал раскачиваться с борта на борт.

– Спустишь шлюпки, – дал команду старпом.

Бот левого борта, висевший на шлюпбалках, был спущен и тяжело шлепнулся о воду. В него прыгнул Мекель, а за ним – Тайхман. Тайхман вывалил подвесной мотор. Они отошли от корабля. Бот правого борта шел за ними в кильватере. Но тут мотор чихнул и заглох. Тайхман дважды пытался его завести. Одной рукой он дергал шнур, а другой придерживал румпель.

Шлюпка дернулась сначала в одну, потом в другую сторону.

– Держи эту чертову посудину на курсе, – крикнул Мекель.

Мотор заработал было, но тут же снова заглох. Похоже, в карбюратор попала вода или грязь, подумал Тайхман и прокричал это Мекелю.

– Иди сюда и держи румпель.

Мотор заработал. Мекель наклонился, высматривая спасшихся моряков.

– Иди сюда и помоги мне, – в ярости прокричал Тайхман, увидев, что второй бот уже догоняет их.

– Я не могу. Двигай вперед, ну же!

– Болван. У меня же только две руки.

– Там впереди плывет человек. Двигай, черт побери!

– Сам двигай.

Наконец Мекель подошел и забрал у Тайхмана румпель. Тайхман смог заняться мотором. Когда тот останавливался, он тут же дергал шнур – так им удавалось продвигаться вперед.

Они услышали чей-то крик «мама» и направились туда. Человек лежал на воде животом вниз. Он поворачивал голову из стороны в сторону, словно плыл кролем, и выкрикивал «мама». Неожиданно его лицо упало в воду. Мекель зацепил его крюком за спасательный жилет, а Тайхман схватил за левый рукав, на который были нашиты знаки различия – правой руки не было, – и втащил в шлюпку. Это был старший квартирмейстер. Они уложили его на двух передних банках. Его левая рука болталась, касаясь досок дна, а правая была, вероятно, оторвана. От левого уха к плечу шла глубокая рана. Мекель достал бинты из аптечки и попытался заткнуть ими рану. Бинты погружались в нее, но кровь все текла и текла, не останавливаясь, на дно шлюпки. Мекель рвал одну упаковку бинтов за другой и набивал ими рану.

– Прекрати! – крикнул ему Тайхман. – Не видишь разве, что это бесполезно.

Бинты уже вышли изо рта спасенного моряка и раскачивались в такт движению бота.

Они еще какое-то время покружили над местом гибели тральщика и обнаружили несколько трупов. Вдалеке виднелись белые кишки, плававшие по воде, словно щупальца осьминога. Когда Тайхман и Мекель подошли ближе, они увидели, что тела погибших вспороты по всей длине, словно селедки. Вокруг плавали куски дерева, разорванные спасательные жилеты и во множестве –дохлая рыба.

– Господи всемогущий, – произнес Мекель и вдруг заорал: – Проклятая война! Иисус, Иисус, Иисус!

Это было больше похоже на стон, чем на ругань. Мекель дрожал всем телом. Голова его качалась взад-вперед, как у старика, клыки, похожие на бивни моржа, стучали, лицо дергалось, словно он корчил рожи, а по отвисшим щекам стекали маленькие ручейки влаги. Тайхман не мог понять, что это было – пот или морская вода. Мекель закрыл лицо окровавленными ладонями, чтобы не видеть всего этого ужаса, а когда опустил руки, стал похож на индейца в боевой раскраске. Он не знал, что делать со своими руками. Его пальцы, похожие на сосиски, судорожно двигались, словно он играл на пианино.

– Боже всемогущий! Неужели все так и будет? Гибель друзей прямо у тебя на глазах?

Эта гора мышц стала сгустком горя. Мышцы Мекеля, похожие, развивались в ущерб нервам, сказал себе Тайхман, чтобы защитить свою психику от воздействия истерики, в которую впал Мекель.

– Это глубинные бомбы. Их не успели разрядить, и они взорвались все разом. Тут уж ничего не поделаешь.

– Проклятье! Это же наши товарищи! Они погибли и теперь кормят рыб. О боже!

– Хватит! Проклятиями их к жизни не вернешь.

– Мне от этого не легче.

Не зная, что делать со своими руками, которые не переставали дрожать, Мекель стал гладить волосы мертвеца, словно хотел сделать ему пробор.

На палубе «Альбатроса» лежали четыре трупа. У командира корабля была разбита голова, и матросы закрыли ее полотенцем, так что узнать его можно было только по нашивкам на рукаве. Слева от него лежал вражеский летчик, прыгнувший с парашютом, молодой парень. Из его уха сочилась кровь, и Штолленбергу пришла в голову мысль заткнуть его ватным тампоном. По обе стороны от них лежали старший квартирмейстер, которого выловили из воды Тайхман и Мекель, и гардемарин, учившийся в Денхольме в одном отделении с Хейне. На других кораблях было девять погибших. Трупы зашили в парусину. Лица мертвецов были спокойны, а у командира вообще не было лица. Когда с него сняли полотенце, Фёгеле отвернулся.

В сумерках флотилия застопорила ход. На «Альбатросе» отвязали плот левого борта и уложили на него тела. К ногам мертвецов привязали груз. Четверо свободных от вахты матросов встали по сторонам плота. По сигналу с флагмана боевой флаг был приспущен до середины мачты. Главный старшина протрубил в горн, отдавая сигнал о погребении, плот положили на поручни и наклонили, чтобы тела соскользнули в воду. Флаг был вновь поднят, и тральщики возобновили поход.

На ужин подали жареную печенку с рисом. Мекель отдал свою порцию печени Тайхману, а сам сходил на камбуз и принес сахар, корицу и небольшую бутылку молока.

– На днях будем отнимать тебя от груди, – сказал Штюве. – Как бы нам не пришлось подтирать тебе задницу.

Мекеля оставили в покое только после того, как увидели маленькие капельки, падавшие в рис, смешанный с сахаром и корицей. Тогда матросы принялись восхищаться своим погибшим командиром. Остербур сказал:

– Если его место займет Паули, я прыгну за борт.

– Прыгай, – произнес Хейне, – только не надейся, что он отдаст приказ спасти тебя. Он тут же скомандует «полный вперед», вот и все.

Паули уже не был старпомом. Он стал командиром. Правда, только по названию. В гражданской жизни он работал в фирме, занимавшейся пошивом бюстгальтеров. Об этом проведал Хальбернагель, который везде совал свой длинный нос и умел быть одновременно раболепным и наглым. Будучи вестовым командира, он порылся в бумагах Паули и наткнулся на письмо от фирмы, производящей бюстгальтеры. Фирма поздравляла Паули с Рождеством. Она, говорило в нем, гордится, что ее младший клерк вот уже несколько месяцев несет «тяжелую, героическую службу», подробнее о которой, из соображений безопасности, говорить нельзя, и это почти чудо, что он до сих пор еще жив. Фирма и ее сотрудники надеются приветствовать господина Паули, когда он в ближайшем будущем получит отпуск и приедет на родину. А пока они желают ему самого наилучшего, счастливого Рождества и хайль Гитлер.

Хальбернагель принес это письмо в кубрик и зачитал вслух. Он предложил повесить его на хлебном шкафчике, в назидание матросам. Но моряки не захотели, чтобы это письмо осталось у них в кубрике, и вообще, чем меньше им будут напоминать о Паули, тем лучше.

Хальбернагелю пришлось отнести письмо назад. Жаль, сказал Хейне, что фюрер не всегда бывает последователен – уж если немецкая женщина не должна курить и пользоваться косметикой, то вполне могла бы обойтись и без бюстгальтеров, поскольку хорошо сложена от природы. Тогда бы Паули уж точно обанкротился.

Хейне выступил с подобным предложением на мостике и загремел в кочегарку: Паули подслушал его и принял «карательные меры». То, что кочегарка стала учреждением для наказания провинившихся, сильно поразило черную котельную братию. Они долго спорили, в какую вахту воткнуть Хейне. Паули принял решение, достойное царя Соломона.

– Ты небрежно козырнул мне сегодня, так что отправляйся в кочегарку и бросай там уголь в топку, ты у нас большой и сильный, – сказал он Тайхману.

В одной вахте с Тайхманом оказались два ветерана. Они несколько лет лопатили уголь на судах рыболовного флота и не собирались надрываться на работе. После каждой третьей лопаты они делали перерыв. Пока «Альбатрос» держал малый ход, Тайхман их не трогал. В этом режиме он сам мог поддерживать огонь в топке, два же других кочегара завалились на уголь и уснули.

В полночь пришел Шмуцлер и принес им кофе.

– Кочегарам оставить?

– Ты уже пятую ночь подряд приносишь сюда кофе и пятый раз задаешь этот дурацкий вопрос.

– Да я просто хотел сказать...

– Я один делаю всю работу и имею право выпить весь кофе. Можешь ты вбить себе это в голову, наконец?

– А если они нажалуются начальству?

– Начальству?

– Ну да, Паули.

– Какой же ты тупой, Шмуцлер. С тобой бесполезно разговаривать, – сказал Тайхман, и тут его с силой бросило на стену бункера. Он ничего не видел – все погрузилось во мрак. Стало тяжело дышать, и он подумал, что задохнется от угольной пыли. Кто-то схватил его за правую руку. Когда он попытался освободиться, тьма заплескалась у него перед глазами и ему показалось, что он то раскачивается на качелях, то кружится на карусели.

– Давай выбираться отсюда! – крикнул он и закашлялся.

– Помоги мне, – завопил Шмуцлер.

После короткой борьбы Тайхман вывернулся и стряхнул с себя Шмуцлера. Потом он на ощупь пробрался к переборке, разделяющей кочегарку и машинное отделение. «Обычно водонепроницаемую дверь задраивают, но я знаю, как открыть ее, – подумал он. – Там есть одна задрайка наверху, а другая – внизу. Постой-ка, куда надо повернуть верхнюю – вверх или вниз? Вверх, конечно». И он повернул ее. Хорошо, а теперь нижнюю тоже вверх. Вот так, все очень просто.

Но дверь не открылась.

«От волнения, должно быть, я повернул задрайки не так, как надо». Повернув их вниз, он всем телом навалился на дверь.

Но она по-прежнему не открывалась.

И Тайхман теперь был совершенно спокоен. Он почувствовал, как Шмуцлер прижался к нему. Прерывистое дыхание кока щекотало ему кожу на груди.

Тайхман со всей силы бросился на дверь, но она не поддавалась.

И тут он услышал голоса, доносящиеся из машинного отделения. «Сейчас я ее открою», – подумал он и со всей силы отчаяния бросил свое тело на дверь. У него было такое ощущение, что он сломал себе все кости. Дверь не поддавалась. Тогда он забарабанил по ней кулаками. Затем отошел на несколько шагов, разогнался и снова бросился на дверь.

– Эти придурки нас заперли. Они хотят, чтобы мы здесь утонули...

– Помогите! – заорал Шмуцлер.

– Мы ничего не сможем сделать, совсем ничего.

– Вытащи меня отсюда, – прошептал Шмуцлер. Его голое тело дрожало так сильно, что Тайхман с трудом понимал, что тот говорит.

Тайхман сел на пол и прислонился к переборке спиной. Надо подумать, сказал он себе, и закрыл глаза. Он вытер пальцами нос, провел языком по зубам, почувствовал вкус угольной пыли и сплюнул. В голову не приходило никаких идей.

Кочегарку заливала вода. Тайхман открыл глаза – звук текущей воды стал не таким громким.

Скоро вода дошла им до пояса. Каждый ждал, кто первый из них встанет. Они знали, что в этом не было никакого смысла – какая разница, как утонуть, стоя или сидя.

Наконец Шмуцлер поднялся. «Он ниже меня ростом, вот ему и пришлось встать», – подумал Тайхман.

Вода продолжала прибывать. Тайхману тоже пришлось встать. Теперь очередь Шмуцлера, решил он. От страха он больше ни о чем не мог думать. Тайхман вдруг осознал, что ему придется пройти через две смерти – свою и Шмуцлера. «Будь у меня цианистый калий, я бы отравился».

Шмуцлер заплакал и снова прижался к Тайхману. Вот оно, началось, сказал себе Тайхман. Ему пришла в голову мысль задушить Шмуцлера. Но тогда он останется один...

Вода достигла уровня топки. Заливая ее, вода булькала и шипела. На мгновение Тайхман услышал звук льющейся внутрь топки воды.

Тайхман прислонился к переборке и вдохнул пар. Его мозг продолжал работать. Как было бы хорошо, если бы у него вообще отсутствовал мозг или если бы он отключился. Как в ускоренном фильме, быстро, но четко поплыли в его мозгу кадры памяти: вот он ребенком брызгает водой на раскаленную докрасна плиту... вот горничная, намочив слюной палец, пробует, нагрелся ли утюг... вот свинцовые литейные формы погружаются в воду... вот в школе он ставит зажженную свечу на чернильницу, и кипящие чернила выплескиваются наружу... вот Зигфрид охлаждает свой меч в воде – это было в Байройте в 1939 году, Зигфрида пел Лоренц.

Стало светло. Дверца топки распахнулась, – снизу ее подпирала вода. Тлеющие угли осветили кочегарку, и сквозь пар Тайхман увидел трап. Он внимательно рассмотрел его. Когда огонь потух и снова стало темно, он уже знал, что там, по левому борту, в трех метрах от него, находится трап и что он всегда там был, только Тайхман забыл об этом.

Идя к трапу, которого уже не было видно, он не мог избавиться от кошмарной мысли, что, как только он до него доберется, трап исчезнет. Когда он поставил ногу на первую ступеньку, Шмуцлер обвил руками его шею, а ногами – бедра, как будто они репетировали это раз сто, не меньше. Не могли же они задраить крышку люка, сказал себе Тайхман и в ту же минуту сообразил, что конечно же крышка задраена. Услышав команду «задраить водонепроницаемые двери», матросы тут же обязаны ее выполнить.

Эта мысль парализовала его. Он знал, что до люка ему подниматься почти два метра, и не мог сделать ни шагу. У него не осталось сил. Шмуцлер делался все тяжелее и тяжелее. У Тайхмана вдруг закружилась голова, отчего его потянуло вниз, но головокружение неожиданно прекратилось, потому что сверху повеяло свежим воздухом. Тайхман почувствовал удар ногой по голове, потом кто-то наступил ему на руку, и он завопил. Руку тут же освободили.

– Это ты, Ганс? – Это был голос Штолленберга.

Тайхман поднялся наверх, чьи-то руки подхватили его, вытащили из люка, и он потерял сознание.

– Хайле Селассие был черен, как цыган, – произнес Питт, когда они уложили Тайхмана и Шмуцлера на палубе и осветили их фонариками.

– Ничего с ними не случилось. Это они черные от угольной пыли, – сказал Хальбернагель. После глотка шнапса Тайхман пришел в себя.

– Послушай, негус, – обратился к нему Лёбберман, – мы расскажем тебе, какого капитана приобрели.

– Говори потише, Медуза, – перебил его Питт.

– Будь я проклят, если не подведу Паули под трибунал. Пусть все слышат, что я скажу. Флагман флотилии дает три коротких световых сигнала. А теперь слушай внимательно, Тайхман. Слушаешь?

– Да.

– Хорошо. Так вот, Паули поворачивается ко мне и спрашивает: «Что это означает?» Представляешь, капитан спрашивает матроса, что означают три коротких световых сигнала!

– Мы всегда знали, что Паули дерьмо, – вмешался Бюлов.

– Дерьмо? Да он самый настоящий преступник!

– Не так громко, Медуза, – произнес Питт.

– Да я повторю это любому, кто захочет меня слушать.

– Ну что ты хочешь, Медуза, он же специалист по бюстгальтерам, – усмехнулся Хейне.

– Он преступник, говорю вам. Таким нельзя доверять боевой корабль. Но это еще не все. Я объясняю ему, что это означает британские торпедные катера. Но Паули даже не подумал

сменить курс. Я говорю, нужно повернуть им навстречу. «Не вижу никаких катеров», – отвечает Паули. «Да вон же они, – говорю я, – подходят курсом тридцать градусов». – «Нет, мы отойдем», – заявляет Паули и командует лево на борт. Через полминуты – бац! Если бы он повернул всего лишь на тридцать градусов вправо, то нос нашего корабля смотрел бы точно на катера, и они бы в нас не попали. Торпеда прошла бы по левому борту. Но Паули испугался и не пошел на сближение с противником, а дал команду отойти.

Холод загнал матросов вниз. Когда Тайхман улегся на свою койку, подложив под себя кусок брезента, Штолленберг сказал:

– Ты знаешь, Паули не только не умеет управлять кораблем, он еще и порядочная свинья. Сразу после того, как в борт ударила торпеда, он дал команду задрать все водонепроницаемые двери. Герд поднялся на мостик и сообщил ему, что кочегары стучатся в переборку. Он спросил, нельзя ли ненадолго открыть дверь, ведь в кочегарку еще не могло набраться много воды. Паули заорал, что убьет любого, кто попытается открыть водонепроницаемые двери, безопасность корабля, мол, превыше всего, и ему плевать, что станется с запертыми кочегарами. Но Герд не отстал от него...

– И ты тоже?

– Мы еще два раза подходили к Паули и просили разрешения открыть дверь. В конце концов он погнал нас с мостика. Герд сказал, что до кочегарки можно добраться через входной люк, поэтому он обвязал меня веревкой под мышками и опустил вниз. Мне кажется, это я наступил тебе на лапу.

– Наверное.

– Нам повезло, что торпеды попали в угольный бункер, иначе воды было бы гораздо больше. Но если бы не Вегенер, мы бы все равно пошли ко дну.

– Как это так?

– Он подвел свой корабль к нашему борту, а потом он и тральщик номер 2 пропустили под нашим днищем трос. Вот это настоящее морское искусство.

– А что делал в это время Паули?

– Ничего. Просто трепал всем нам нервы своим криком.

– Если этот ублюдок будет командовать нашим кораблем и в следующем плавании, я его выброшу за борт.

– Я тебе помогу, – поддержал Штолленберг.

Глава 5

Паули посадил Тайхмана и Штолленберга на три дня под арест. Они возвратились из увольнения в 1:11. Паули посчитал эти одиннадцать минут самовольной отлучкой и подверг их наказанию. Они и вправду засиделись у Доры, но сумели бы вернуться вовремя, если бы не перепутали входы на верфь. Они совсем забыли, что сегодня утром «Альбатрос» был поставлен в сухой док.

А перед этим они помогали освободить бункер от оставшегося там угля и наткнулись на тела двух кочегаров, стоявших вахту вместе с Тайхманом. Их расплющило взрывной волной о крышу. Паули требовал, чтобы бункер был чист как стеклышко.

– Рабочим дока и особенно инженерам, – сказал он, – не понравится вид крови и сломанных костей.

Они закончили работу в 16:00. После этого команду выстроили в парадной форме на палубе для вручения Железного креста второго класса младшему лейтенанту запаса Паули. Такой же награды удостоился и погибший командир, а также Штюве за сбитый им самолет. Командир флотилии поблагодарил команду за спасение поврежденного корабля и произнес несколько прочувствованных слов о павшем командире и двух кочегарах. В заключение он объявил, что старшим помощником назначается младший лейтенант Пашен.

– Смирно! Равнение направо! – скомандовал Паули.

Командир флотилии поблагодарил команду:

– Так держать!

Хейне ткнул Лёббермана под ребра:

– Здорово ты отдал нашего Паули под трибунал!

– Зря Вегенер наградил его Железным крестом, – заметил Бюлов.

– Он вынужден был дать ему крест, иначе Штюве не получил бы своего, – сказал Штолленберг.

Командир флотилии отдал честь своим бывшим ученикам, пожал им руки и задержался, чтобы немного поболтать с ними.

– Ну, как дела? – спросил он Тайхмана. – Что вы?.. – Он запнулся, неуверенно улыбнулся и хлопнул Тайхмана по плечу. – Все придет в свое время.

– Что он хотел этим сказать? – спросил потом Тайхман Хейне.

– Черт его знает, – ответил Хейне. – Пойдем лучше к Доре.

На пути в город они миновали двух дам. Одна, вся в черном, была вдовой погибшего капитана; другая – женой командира флотилии. Все отдали им честь, и даже Питт постарался сделать это как следует. Тайхман отдал честь вдове командира.

– Я был бы не прочь позабавиться вон с той. – Питт почмокал губами.

– Ты всегда был свиньей, – бросил Штолленберг и покраснел.

– О ком это вы? – спросил Хейне с непривычной для него резкостью.

– О мадам Вегенер, если не возражаешь, – ответил Остербур.

– Пойди сначала спроси, согласится ли она иметь с тобой дело, – произнес Тайхман со смешком, который был больше похож на кашель подавившегося человека. Дамы проехали мимо в автомобиле командира флотилии. Бюлов и Фёгеле пошли в парикмахерскую, а Тайхман, Штолленберг и Хейне отправились по магазинам. Им пришлось походить, пока они не нашли то, что искали. Они купили яркий шелковый шарф с набивным рисунком; продавщица, которой они понравились, уступила его по двойной цене, зато без талонов. Они встретились с Фёгеле и Бюловом в парикмахерской.

Побрившись, все пятеро отправились к Доре.

– По правде говоря, я бы с большим удовольствием посидел в баре и выпил бы чего-нибудь приличного.

– Не говори глупостей, Ганс, – сказал с нажимом Штолленберг. – Ты идешь с нами.

Когда они вошли в заведение Доры, там сидело всего несколько посетителей. Между кафе и пивным залом был проход, и с первого взгляда никто бы не догадался, что официантки обслуживают посетителей не только за столиком.

Они уселись за угловой столик рядом с баром и послали на разведку Фёгеле. Он попросил продать ему пачку сигарет без талонов.

– Не могу, – ответила девушка за стойкой. Эта крашенная блондинка, судя по всему, была не прочь удалиться с клиентом на второй этаж.

– Мне хотелось бы увидеть вашу хозяйку.

– Она сейчас очень занята.

– С кем?

– Не поняла?

– Я хочу сказать, с кем это она кувыркается в постели?

– Советую вам оставить ваши грязные намеки – здесь приличное заведение.

– Я хочу передать ей привет.

– От кого?

– От «Альбатроса».

– Кто это – мужчина?

– Нет, целая толпа мужчин.

– Не понимаю. Не могли бы вы говорить пояснее?

– «Альбатрос» – это корабль. На нем служат мужчины. Понятно?

– Не думаю, чтобы моей хозяйке это было интересно.

– А вы лучше спросите ее саму.

Девушка сделала недовольное лицо и удалилась.

– Кусок мяса, а не девушка, – сказал Фёгеле, постукивая монеткой по стойке бара. – Эй...

В эту же минуту кусок мяса появился в сопровождении Доры, одетой как дама. Она и внешне стала напоминать даму.

– Кого я вижу! – вскричала она и поздоровалась с Тайхманом, Штолленбергом и Хейне, как будто не видела их по меньшей мере лет двадцать.

Они отдали ей шарф и книги.

– Какой милый шарфик! И целых три дневника сразу...

– Можешь использовать их для записи своих доходов и расходов, – предложил Хейне, – здесь очень хорошая бумага.

– Стоило ли так из-за меня тратиться!

Она на минуту оставила их и вернулась с пятьюстами марками. Хейне сказал, что деньги возвращать не надо – они начистили друг другу рожи и разошлись довольные. Но Дора настаивала.

– Тогда мы их здесь же и пропьем, – пошел на компромисс Тайхман.

– Об этом не может быть и речи. Денег с вас я не возьму.

Штолленберг предложил вернуть деньги их законным владельцам, но его предложение было единодушно отвергнуто.

– Тогда получится, что мы напрасно дрались, – сказал Хейне.

Наконец, они согласились принять от Доры эти деньги, но тут же отдали их ей на хранение.

– Ну а теперь что бы вы хотели съесть?

– Ничего, Дора. Нас хорошо кормят.

– В таком случае, что я могу для вас сделать? Что-нибудь для души?

– Это наш первый выход в город, – с улыбкой сказал Бюлов.

– Ну, тогда выбирайте, герои.

– Я уже выбрал, – заявил Фёгеле. – Беру девушку, которая не хотела продать мне сигарет.

Девушкам Дора сказала:

– Эти господа – мои гости. Обслужите их по первому разряду.

А потом повернулась к Тайхману:

– Пойдем со мной, малыш, я знаю, что ты большой дока в этом деле. Может, и я у тебя чему-нибудь научусь.

Комнаты девушек были на втором этаже. Личные апартаменты Доры располагались на третьем.

– А где твой муж?

– Зачем он тебе?

– Он на службе?

– Нет, он уже давно на пенсии.

Она показала ему гостиную и спальню. Обе, насколько мог судить Тайхман, были отделаны со вкусом. Дора пустила в ванну горячую воду.

– После хорошей ванны чувствуешь себя заново народившимся. Я хочу, чтобы ничто не напоминало тебе о твоей гнусной работе. Пусть она останется в другой жизни. Забудь о ней на время, хорошо?

– Для этого придется очень сильно постараться.

– Может быть, мне удастся помочь тебе.

Когда он вышел из ванной, на Доре был пурпурный бархатный халат. Аромат, исходивший от нее, стал сильнее и приятнее, чем раньше. Она откинула одеяло на кровати, где легко разместились бы три человека. Тайхман никогда до этого не видел ничего подобного и даже немного испугался. У него повлажнили ладони, совсем как во время первого воздушного налета. Дора выключила люстру, оставила гореть только лампу у кровати, которая излучала теплый, красно-желтый свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.